

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

1 (01) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора:

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчиев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакассский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. Д. Михайлов, д. филос. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Набергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Огорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://litteraesvfu.ru>

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

1 (01) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor:

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing Editor:

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagasheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. D. Mikhailov, Doctor of Philosophy, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after

G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://litteraessvf.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бурцев А. А., Бурцева М. А.</i> В. Е. Васильев-Харысхал как прозаик и драматург.....	5
<i>Иманова С. И.</i> Особенности просветительских идей М. Ф. Ахундова и А. Е. Кулаковского.....	19
<i>Огорокова В. Б.</i> Философские ракурсы творчества П. А. Ойунского.....	26

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА, ПОЭТИКА

<i>Ефремова Е. М.</i> Мифологический дискурс в конструировании метатекстовых единств в якутской поэзии.....	35
<i>Сивцева-Максимова П. В., Ильина Н. И.</i> Фольклорные истоки как моделирующие категории в художественных текстах А. Е. Кулаковского.....	41

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>Nadergulov M. Kh.</i> Some events of 1830-1835 in Russia in the memoirs of the Bashkir Usman, the son of Ishmukhamet.....	52
<i>Nogovitsyn A. P.</i> Textological analysis of the early editions of A. E. Kulakovsky's literary texts.....	61

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Хазанкович Ю. Г.</i> Мифопоэтика ненецкой литературы. Рецензия на монографию: <i>Жулева А. С.</i> Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. Москва: ИМЛИ РАН, 2019.....	72
--	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Дарбасова С. Д.</i> Мероприятия Института А. Е. Кулаковского.....	74
--	----

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Burtsev A. A., Burtseva M. A.</i> V. E. Vasiliev-Kharyskhal as a writer and a playwright.....	5
<i>Imanova S. I.</i> Features of educational ideas of M. F. Akhundov and A. E. Kulakovsky.....	19
<i>Okorokova V. B.</i> Philosophical perspectives of P. A. Oyunsky's work.....	26

FOLKLORE IN LITERATURE, POETICS

<i>Efremova E. M.</i> Mythological discourse in the construction of metatext units in Yakut poetry.....	35
<i>Sivtceva-Maksimova P. V., Ilyina N. I.</i> Folklore origins as modeling categories in A. E. Kulakovsky's literary texts.....	41

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

<i>Nadergulov M. Kh.</i> Some events of 1830-1835 in Russia in the memoirs of the Bashkir Usman, the son of Ishmukhamet.....	52
<i>Nogovitsyn A. P.</i> Textological analysis of the early editions of A. E. Kulakovsky's literary texts.....	61

REVIEWS

<i>Khazankevich Y. G.</i> Mythopoetics of the Nenets literature. Review of a monograph by A. S. Zhuleva "The mythopoetic model of the world in the Nenets literature". Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.....	72
--	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Darbasova S. D.</i> Activities of the Institute of A. E. Kulakovsky.....	74
---	----

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157Харысхал.09

А. А. Бурцев, М. А. Бурцева

В. Е. Васильев-Харысхал как прозаик и драматург

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена памяти Народного писателя Якутии Василия Егоровича Васильева-Харысхала (1950–2020). В ней впервые представлен целостный анализ его художественного наследия, которое включает два самостоятельных раздела: прозу и драматургию. До сих пор творчество писателя остается совершенно неисследованным с литературоведческих позиций, поэтому его включение в общий контекст современной якутской литературы представляется актуальной задачей. Присутствие в произведениях писателя персонифицированного повествователя, участника и свидетеля происходящих событий придает повествованию реалистический, достоверный характер. Установлено, что система художественных приемов и принципов, используемых Харысхалом, весьма разнообразна и включает пейзажистику, образную анималистику, внутренний монолог, онейрические средства, литературные реминисценции. Отмечено, что спецификой ранних драм писателя является их циклизация, а также пространственная локализация своеобразным «микрокосмом» («побережьем реки Амги»), который оказывается наполненным интеллектуально насыщенной атмосферой. Что касается типологии художественных образов, то в свете ролевой концепции в характерологии Харысхала выделяются нормативные и модальные герои. В поэтике его драматических произведений, наряду с глубокими национально-фольклорными корнями, ощущаются традиции «новой» интеллектуальной драмы начала 20 века, а также черты «эпического театра» Б. Брехта. Подлинно новаторским явлением в национальной литературе стал написанный Харысхалом в последние годы цикл исторических драм, в которых он, опираясь на традиции русской и якутской классики, используя опыт мирового театрального искусства, создал собственную драматургическую систему.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., проф. каф. русской и зарубежной литературы филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M.K.Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доц. каф. восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anantolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ключевые слова: персонифицированный повествователь, образная анималистика, принципы кинестетики, циклизация, ролевое поведение, фольклоризм, интеллектуальная драма, эпический театр, пьеса-реквием, «эффект очуждения».

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

V. E. Vasiliev-Kharyskhal as a writer and a playwright

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The article is devoted to the memory of Yakutia People's Writer Vasily Yegorovich Vasiliev-Kharyskhal (1950-2020). For the first time, it presents a holistic analysis of his artistic heritage, which includes two independent sections – prose and drama. Until now, the writer's work remains completely unexplored from literary positions, so its inclusion in the general context of modern Yakut literature seems to be an urgent task. The presence of a personified narrator, participant and witness of the events in the writer's works, gives the narration a realistic, reliable character. It was established that the system of artistic techniques and principles used by Kharyskhal is very diverse and includes landscape painting, figurative animalism, an internal monologue, oneiric means, and literary reminiscences. It is noted that the specificity of the writer's early dramas is their cyclization, as well as spatial localization as a kind of "microcosm" ("the Amga river bank"), which turns out to be filled with an intellectually rich atmosphere. As for the typology of artistic images, in the light of the role concept in the characterology of Kharyskhal, normative and modal heroes stand out. In the poetics of his dramatic works, along with deep national folklore roots, one can feel the traditions of the "new" intellectual drama of the early 20th century, as well as the features of the "epic theater" of B. Brecht. A truly innovative phenomenon in national literature was the cycle of historical dramas written by Kharyskhal in recent years, in which he, relying on the traditions of Russian and Yakut classics, using the experience of world theatrical art, created his own dramatic system.

Keywords: personified narrator, figurative animalism, kinesthetic principles, cyclization, role behavior, folklorism, intellectual drama, epic theater, requiem play, "effect of alienation".

Введение

В. Е. Васильев–Харысхал по праву является одним из самых популярных якутских писателей. Неслучайно в 2017 г. он был удостоен почетного звания Народного писателя Республики Саха (Якутия). Но его известность во многом основана на подвижнической деятельности по возрождению имен якутских интеллигентов, по воле обстоятельств вынужденных в свое время эмигрировать за границу. Что касается изучения художественного творчества писателя, то оно находится в начальной стадии. Имеются только биографические сведения в справочных изданиях, рецензии на отдельные произведения и отклики на постановки его пьес [1–5]. В настоящей статье предпринимается попытка общего обзора творчества Харысхала и анализа его художественного мастерства как прозаика и драматурга.

Проблематика и поэтика прозаических произведений Харысхала

Хотя сегодня В. Васильев известен прежде всего как драматург, в начале своего творческого пути он пробовал себя в прозе: первыми его произведениями явились повесть «Где ты, моя дивная музыка?» (1975) и рассказ «Волшебные звуки» (1976). Повести и

рассказы, наряду с драмами и историческими очерками, и в дальнейшем регулярно выходили из-под его пера: «Туу – Хаах», «Моккуой», «Турагаскы», «Отец!.. », «Происшествие на осенней Амге», «Круглорогая» и другие.

Проза Харысхала отличается широтой идейно-художественного содержания. В повести «Круглорогая» в объективе памяти главной героини, пожилой якутки Акулины, оказались многие важнейшие события XX столетия. Ее детские годы прошли на фоне Гражданской войны, «красного» и «белого» террора, массовых репрессий, перегибов и рецидивов Советской власти. Дед героини, прозванный за справедливость и высокий рост Семен Прямодушный (Көһө Сэмэн), был раскулачен, затем репрессирован и сослан на строительство «Беломорканала». Та же участь постигла молодого тогда Хрисанфа Григорьева, который благодаря своему дару народного целителя сумел благополучно вернуться на родину. Он спас от смерти маленького сына начальника лагеря, самого вылечил от ревматизма, за что его не менее властная жена стала называть молодого якута не иначе, как «мальчик мой», отсюда произошло его прозвище «Мааччык». Он рассказывал о том, какие трагедии происходили на «Беломорканале» («люди мерли, как мухи»), и как трем якутам все же удалось бежать за границу.

Образ Акулины в этой повести приобретает две ипостаси. С одной стороны, это реальная героиня из бедной якутской семьи, на долю которой выпали сложные жизненные испытания. Ее мать умерла при неудачных родах, отец «сгорел» от непосильной работы в тылу в последний год войны. Акулину воспитала бабушка, приучила к труду, но не смогла отдать ее в школу. Первый муж, вернувшийся после тяжелого ранения на фронте, умер у нее на руках. Второй муж, простой труженик, тоже рано умер. Зато ее дети, сын и две дочери, получили образование и стали достойными людьми. С другой стороны, образ Акулины приобретает символическое значение материнства, продолжения жизни, несгибаемой воли и мужества народа, прошедшего через сложнейшие испытания и сумевшего создать в суровых условиях Севера собственную цивилизацию. Неслучайно судьба героини повести сопровождается историей ее любимой коровы якутской породы.

В повести «Турагаскы» тоже тесно переплелись судьбы человека и животного, на этот раз жеребца местной породы. Семья простого сельского жителя Егора выходила оставшегося без матери маленького жеребенка, который со временем превратился в знаменитого скакуна, постоянно побеждавшего на скачках. Егор разговаривал с конем как с человеком, и они понимали друг друга с полуслова. Однажды, когда он загулял, верный конь спас ему жизнь. А когда Егор тяжело заболел, Турагаскы почувствовал его близкую смерть. Во время похорон хозяина он проводил его до кладбища и остался один у могилы. На третий день конь бесследно исчез, и никто его больше не видел. Старики рассудили, что согласно старинному поверью («хоолдьуга»), Турагаскы последовал за своим хозяином, чтобы «покойный ездил на нем в потустороннем мире».

В цикле рассказов «Предания нашего стойбища», в которых тоже фигурируют анималистические образы, нашли отражение голод, лишения, трагические последствия Великой Отечественной войны. В одном из них автор, подобно А. Чехову («Каштанка»), Д. Лондону («Белый клык») и Н. Лугинову («Кустук») «очеловечивает» охотничью собаку по кличке Туу-Хаах, которую хозяин, уходя на фронт, попросил кормить семью. И действительно верный пес постоянно приносил мелкую дичь – зайцев, куропаток, тетеревов. Однажды, возвращаясь домой с зайцем в зубах, Туу-Хаах обнаружил вблизи деревни свежие следы молодого лося. Оставив добычу на том месте, где остановился, он бросился за ним, быстро догнал и стал загонять в алас, надеясь, что кто-нибудь его подстрелит. Но в связи с военным положением все ружья были конфискованы властями. Тогда пес погнал лося к небольшому озеру, и когда он оказался в воде, не выпускал его на сушу. Тем временем подоспевшие женщины, вооруженные вилами и топорами, окружили озеро, но никак не могли забить животное. Тогда Туу-Хаах вцепился мертвой хваткой

в шею лося и затянул его за собой под воду. Так он ценой своей жизни спас людей от голодной смерти.

В повестях «Где ты, моя дивная музыка?», «Потерявшиеся сердца», с одной стороны, нашли отражение кризисные явления в обществе в эпоху развала СССР, атмосфера «лихих 90-х», развал экономики, заброшенные деревни, с другой – демократические процессы, политическая борьба, состояние культуры, вопросы воспитания, взаимоотношение поколений.

В первой повести история талантливого музыканта, не выдержавшего испытания «медными трубами», изображена на фоне судьбы бездомной собаки, которая всеми силами пытается выжить. Когда герой заканчивал консерваторию и перед ним открывались блестящие перспективы, ему приснился странный сон: во время похода с друзьями он стал подниматься на геодезическую вышку, добрался почти до самого верха, но сорвался с последней ступеньки. Так произошло и в реальности: после первых выступлений на родине появились компанейские приятели и восторженные поклонницы, потом он имел неосторожность нелестно отозваться о «народных» и «заслуженных», вдобавок неудачно женился, стал придерживаться принципа *in vino veritas* и в результате потерпел полное фиаско. В судьбе героя косвенно отразились нравы в сфере культуры, интриги и амбиции, влияние настоящего и «массового» искусства.

Повесть имеет «открытый» финал: попавшая под машину собака с перебитым позвоночником, истекая кровью, приползла в поисках защиты к порогу человека, впервые проявившего участие к ней; а герой задумался о собственной судьбе: «А как же он, человек? Неужели его жизнь тоже закончилась? Нет! Нет! Он же человек! Человек!»

В центре другой повести «Потерявшиеся сердца» тоже находится судьба по-своему талантливой, одаренной от природы личности. Но, в отличие от безвольного, самовлюбленного, не приспособленного к суровым реалиям жизни эгоиста из первой повести, герой этого произведения, труженик, художник и мастер на все руки, отличался благородством и честностью, испытал любовь и опалу, не согнулся под ударами судьбы.

Почти во всех произведениях Харысхала появляется персонифицированный повествователь, участник и свидетель происходящих событий. То это подросток, попадающий в экстремальную ситуацию («Происшествие на осенней Амге»), то студент, осознающий, что должен принять эстафету поколений («Отец!..»), то иронически настроенный народный депутат, близко к сердцу принимающий драматические перипетии судьбы своего друга детства («Потерявшиеся сердца»). Его присутствие придает повествованию достоверный, реалистический характер. Неслучайно внук старого охотника из цикла «Предания нашего стойбища», внимательно воспринимающий его мудрые заповеди, подтверждает, что «по крайней мере большинство этих происшествий наблюдал собственными глазами, а предания о них слышал собственными ушами». Он же далее замечает, что «любой хороший рассказ не лишен преувеличений и прикрас». Иными словами, метод писателя не лишен романтического пафоса, создаваемого прежде всего величественными картинами амгинской природы. Один из таких ярких примеров – ностальгические воспоминания слепого ветерана войны, «видящего» каким-то «внутренним зрением» родные места.

Прозаические произведения Харысхала и с точки зрения поэтики отличались своей оригинальностью. В систему его художественных принципов и приемов, наряду с пейзажистикой и образной анималистикой, входят диалог и внутренний монолог. Повесть «Круглорогая» состоит из воспоминаний и размышлений старой Акулины. Не чужд рефлексии по поводу своих несбывшихся надежд герой повести «Где ты, моя дивная музыка?». Повесть «Потерявшиеся сердца» построена как серия монологов и дневниковых записей героев. Как справедливо было замечено критикой, во многих рассказах писателя ощущается его дар драматурга, в частности, повесть «Потерявшиеся сердца» представляет собой «готовый сценарий».

Кроме того, в арсенале писателя присутствуют такие специфические приемы, как поэтика сновидения и принципы кинестетики. Онейрические средства широко используются в повести «Круглорогая», героине которой постоянно снятся сны о ее детстве. В этой же повести автор создает кинестетическую картину мира, используя цветовые и звуковые образы, а также такие ощущения, как запах и вкус.

Наконец, особую художественную функцию в произведениях Харысхала выполняют литературные реминисценции. В той же повести «Круглорогая» упоминание рассказов Суорун Омоллона подчеркивает стремление юной Акулины к образованию, а цитата из поэмы И. Арбиты «Волны» свидетельствует о чувствах Комы Оргулова, ставшего позднее ее мужем. В повести «Где ты, моя дивная музыка?» строки из Омара Хайама имеют прямое отношение не только к пагубной страсти героя, но и в целом к его судьбе:

Пью не ради запретной любви к питью,
И не ради веселья душевного пью.
Пью вино потому, что хочу позабыться,
Мир забыть и несчастную долю свою!

Драматические циклы писателя

Что касается драматических произведений Харысхала, то он отдает дань известной со времен античности традиции их циклизации. Его первые пьесы «В Амге была весна» (1980), «Далекая, близкая война» (1985), объединенные темой самоотверженного труда советских людей в тылу, представляют собой драматическую дилогию «Тыл», хотя действие в первой из них происходит позже, чем во второй.

Обе пьесы объединяет также место действия – родное село автора Мэндигэ, по преданию, названное в честь легендарной Мэндиги Хотун, красоту которой сравнивали с утренней звездой. В тексте упоминаются также реальные топонимы: деревня Элэсин, речки Халаала и Элгэ, роща Хампа, гора Хайаргас и другие.

Вообще художественное пространство ранних рассказов и пьес писателя, ограниченное «побережьем реки Амги», представляет собой камерный мирок, своеобразный «микрокосм» который на деле оказывается наполненным интеллектуально насыщенной атмосферой.

Драма «В Амге была весна» имеет кольцевую композицию. В первом явлении в деревню приходит сержант Попов, фронтовик, воевавший вместе с местным парнем Данилом Алексеевым, который погиб под Кенигсбергом. Выполняя последнюю просьбу друга, он приехал в Мэндигу, чтобы повидаться с его отцом, но не застал его в живых. Сам Евстигней Попов является представителем поколения, которое в мировой литературе получило название «потерянного». Его адептами считаются Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон, Э. М. Ремарк. Их герои были выбиты из колеи войной и, хотя вернулись домой живыми, не могли обрести себя в мирной жизни. Такие люди встречались и среди советских солдат. Сержант Попов остался совершенно один – его родную деревню под Псковом фашисты сожгли вместе со всеми жителями, – поэтому пытается начать новую жизнь в якутской глубинке, несмотря на протезы на ногах, работает шофером. В финале драмы он совершил героический поступок: в разгар весенней распутицы, когда реки вышли из берегов, и все дороги размыло, ценой огромных усилий привез на своем стареньком грузовике из Амги доктора к истекающей кровью роженице, но его сердце не выдержало невероятного напряжения.

В драме «Далекая, близкая война» запечатлены напряженные будни тружеников тыла. После проводов мобилизованных на фронт мужчин в колхозе остаются одни старики, женщины и дети. Они подписываются на заем и отдают последние средства в фонд войны. Бригадир, старый Максим, уходит в тайгу, так как некому выполнять план по сдаче пушнины. Вместо себя он оставляет женщину по имени Огдооччуйа – Авдотья. Начинают приходиться похоронные письма, многие семьи голодают. Девочка-сирота

Айта, вынужденная собирать колосья, попадает на глаза председателю колхоза Турукову, который грозит отдать ее под суд. К нему за помощью обращается колхозница Акси́нья, муж которой пропал без вести, и ей нечем кормить детей. Туруков решает воспользоваться ее безвыходным положением, но в ответ на свое наглое предложение получает пощечину.

Характерология ранних драм Харысхала в целом строится в соответствии с принятой в советской литературе этатистской концепцией, предполагающей приоритет общего долга над индивидуальными помыслами и чувствами человека. Но при рассмотрении образной системы драмы «Далекая, близкая война» в контексте теории о ролевом поведении человеческой личности обнаруживаются некоторые нюансы.

По мнению американского социолога Д. Г. Мида, ролевая концепция возникла не без влияния театральной сферы, где понятие роли служит некой метафорой, обозначающей не только социальный имидж, но и глубинную сущность человека [6]. Другой американский ученый Р. Линтон использовал понятия нормативной и модальной личности, так как в сходных социальных обстоятельствах люди не ведут себя одинаково. Нормативная личность придерживается линии поведения, навязанной обществом в качестве системы предписаний в соответствии с официальным статусом [7].

Туруков в драме «Далекая, близкая война» ведет себя именно как нормативная фигура, как начальник, маленькая Айта, хотя и пытается протестовать, но вынуждена выступать в роли зависимой героини. Зато Акси́нья представляет собой образец модальной личности, отклоняющейся в своем поведении от навязанного стереотипа. Авдотья, которая берет под свою защиту Айту, а позднее в нарушение порядков военного времени забивает собственную корову, чтобы накормить голодающих людей, тоже отрицает чуждую ей модель поведения нормативной личности.

Сложный случай ролевого поведения человека автор изображает в случае с образом сына Авдотьи Герасима. Он становится дезертиром, но после встречи с любимой девушкой и матерью, которая проклинает его и себя, одумался и принял твердое решение выполнить свой долг. Позднее приходит сообщение, что он пал на передовой смертью храбрых. Драма завершается сообщением о том, что со стороны слободы в Мэндигу идет солдат, и как вскоре выясняется, это был сержант Попов.

Две следующие пьесы Харысхала «Когда поют жаворонки» (1982–1987) и «Боль земли» (1997), тоже объединенные в цикл, основаны на реальных событиях, связанных с республиканской программой по освоению целинных и залежных земель, возрождению заброшенных сел. В соответствии с этой программой в 1982 г. на заброшенный участок в Амгинском районе прибыл комсомольский отряд, состоящий из юношей и девушек из разных районов республики.

Композиция драмы «Когда поют жаворонки» носит сложный, «центростремительный» характер: в ней воспроизводятся события 1930-х гг. сквозь призму восприятия молодежи 1980-х гг. Причем большинство героев «раздваивается», то есть появляется в обоих временных пластах. В прологе пьесы действие происходит в настоящем времени на живописном побережье Амги в начале лета, когда природа в самом расцвете. В отдалении видна деревня, рядом находится площадка для ысыаха, откуда доносятся песни популярной тогда немецкой поп-группы «Модерн токинг», служащие маркером времени. На этом фоне на краю засеянной пашни появляется седовласый русский старик в потертом кожаном пальто. Он присаживается на большой округлый камень и, обращаясь к нему, начинает вслух вспоминать о событиях бурной молодости. Мимо проходят молодые люди, разговаривая о своих делах. Старик погружен в воспоминания о прошлом и, судя по его рефлексии, многое успел подвергнуть переоценке.

В дальнейшем происходит чередование временных планов. Старик, который в прошлом выступает под именем Климента Безземельных, во всех эпизодах присутствует как свидетель и участник происходящих событий, выполняя тем самым функцию

античного хора. После окончания учебы в Москве он назначен директором МТС в Амге, его друг Кузьма Буххатов одним из первых в районе овладел профессией тракториста. Между ними происходит ролевой конфликт: Безземельных, как нормативная личность, сторонник полного уничтожения всего старого; Буххатов возражает против тотального отрицания традиционных ценностей, то есть выступает как модальная личность. Он погиб во время пожара, спасая колхозную технику. Перед смертью он просит друзей приподнять его, чтобы окинуть прощальным взором родную землю. Эта ситуация невольно напоминает слова японского писателя А. Рюноскэ, который перед тем, как покончить с собой, оставил в дневнике следующую запись: «Природа кажется такой прекрасной, потому что я смотрю на нее взглядом умирающего». Климент, ощущая свою ответственность за гибель друга, тоже собирается совершить самоубийство, но его останавливает старик Безземельных.

В драме «Боль земли» действие происходит в современную эпоху, на фоне прекрасной амгинской природы. Среди действующих лиц члены молодежного отряда, знакомые по пьесе «Когда поют жаворонки». Они полны энтузиазма, намерены продолжить славные традиции комсомольцев 1930-х гг. В прологе произносятся пламенные речи, звучат патриотические песни («Едем мы, друзья, ...», «За туманом», «Мой адрес – Советский Союз!»), развешиваются транспаранты («Даешь амгинскую целину!» и другие).

Но постепенно в отряде назревает разлад. Первым дезертирует комиссар, который заявляет, что их обманом завлекли в авантюру. Другие тоже начинают сомневаться, кое-кто нарушает режим. Тут в Хайаргас приходит Кристина, она родом из этих мест, и теперь, как агроном, назначенная управляющим отделением, намерена возродить заброшенный участок. Она поведала ребятам легенду о хосуне Бойуоте, который здесь, на горе Хайаргас, впервые увидел Сардаану, ставшую его возлюбленной. Они встретились у маленькой сосенки, теперь она превратилась в могучее дерево, получившее в народе название «Сосна любви». Кристина строит большие планы по развитию нового благоустроенного поселка. Ее рассказ и планы увлекают романтически настроенную Ньюргу, которая почти наяву видит «город мечты, город счастья, город любви». Она очень любит цветы, мечтает разводить их здесь, на целинной земле.

Но все же финал драмы остается открытым. Кульминационным событием, определяющим статус каждого из героев, становится пожар. Сама Кристина признает, что не сумела сплотить коллектив, что одной мечты оказалось недостаточно. Хотя некоторые члены отряда покидают Хайаргас, она предлагает продолжать работать, и ее поддерживают самые ответственные и стойкие.

Роль традиции и новаторство Харысхала-драматурга

В драмах Харысхала критика справедливо усмотрела глубокие национально-фольклорные корни. В художественную ткань его пьес органически вплетены алгысы (благословения), тойуки (народные песни-импровизации), кэп туонуу (самобичевания) («Далекая, близкая война», «Когда поют жаворонки», «Человек – дьявол»), легенды и предания («Далекая, близкая война», «Боль земли»). В пьесе-фантазии «Человек – дьявол» отразились отголоски мифологического сознания. В частности, в ней действуют Юрюнг Аар Тойон и другие мифологические персонажи, Вселенная состоит из Верхнего, Среднего и Нижнего миров, душа одного из героев превращена в үөр (злого духа) и т.д.

Наряду с фольклоризмом, в драмах Харысхала отразились традиции классической литературы. Действительно, в той же пьесе «Человек – дьявол» обнаруживаются черты антиутопии: упоминаются Большой Брат (Улахан Убай), космическая полиция, Управляющая хартия (Салайар хартия), Северные соседи (Хотугу ыаллар) и прочие институты тоталитарного режима. Вообще в этой драме много прозрачных сатирических намеков на советское общество, в том числе на судебную систему, диктат партии,

бюрократическую машину, лженауку, национальную политику. При желании можно также усмотреть реминисценции из лирики средневековых вагантов, трагедии Гете «Фауст», романа В. Арсеньева «Дерсу Узала», поэзии С. Есенина, романа Д. Оруэлла «1984» и даже комедии А. Софронова «Обрусевший».

В драматургии Харысхала, прежде всего в ее поэтике, ощущаются традиции «новой», интеллектуальной драмы XX в., создателями которой явились А. Чехов, Г. Ибсен, Б. Шоу, М. Метерлинк и некоторые другие русские и зарубежные писатели. Это прежде всего общая атмосфера произведения, его тональность, духовная аура, создаваемая целой системой тщательно подобранных деталей – ремарками, таинственными звуками, паузами в диалоге, условными суггестивными образами.

Так, вслед за Чеховым и Метерлинком, авторами «Чайки» и «Синей птицы», Харысхал умело использует так называемую «птичью» образность. Через всю пьесу «Далекая, близкая война» сквозным рефреном звучит крик одинокого журавля, но ремарка к последнему явлению сообщает, что «по небу пролетает уже не одинокий, а пара журавлей, и Авдотья, провожая их взглядом, восклицает: «Это значит, что жизнь продолжается. После морозной зимы наступает долгожданная весна... Добрые люди, смотрите! Это вестники Победы пролетают над нами!» В драме «Боль земли» герои воочию лицезреют пляски стерхов – белых журавлей и сами поют народную песню «Кыталык». Финал драмы «В Амге была весна» при всем своем трагизме в связи со смертью сержанта Попова не производит тягостного впечатления благодаря опять-таки общей атмосфере, создаваемой авторской ремаркой («Восходит солнце. Поют птички. Немного погода слышится плач новорожденного ребенка»). Птичьим пением сопровождается и действие драмы «Когда поют жаворонки», проникнутой романтическим пафосом.

В этой же драме то и дело раздается скрип шаманского дерева, символизирующий старый, патриархальный мир. В драме «Далекая, близкая война» вестниками смерти выступают безымянные женщины в темных одеяниях. Когда они молча появляются, становится понятно, что они принесли очередные похоронные письма с фронта.

В пьесах Харысхала отразились отголоски эпического театра Б. Брехта, в котором правдоподобие соединялось с условностью, реализм – с фантастикой. У якутского писателя тоже нередко происходит своеобразное переплетение реальных и фантастических элементов. В драме «В Амге была весна» обессиленному сержанту Попову в самую трудную минуту чудится его погибшая жена с ребенком на руках, и это придает ему новые силы. Условная ситуация возникает в пьесе «Когда поют жаворонки», герои которой параллельно действуют в прошлом и настоящем. Жанр драмы «Человек – дьявол», действие которой происходит в ирреальном мире, а герои неоднократно перевоплощаются, определен автором как пьеса-фантазия.

Кроме того, Харысхал взял на вооружение такой принцип эпического театра, как «эффект очуждения», или «остранения», в основе которого находилась метафора, позволявшая увидеть предмет, явление, процесс под новым углом зрения, с новой, неожиданной стороны для того, чтобы пробудить мысль, «вызвать у зрителя аналитическое, критическое отношение» к жизни. Средствами создания «эффекта очуждения» служили комментирующие песни – зонги, обращенные главным образом к зрителям, расширенные ремарки, плакаты, лозунги, постоянно используемые Брехтом и, вслед за ним, якутским драматургом.

Исторические драмы Харысхала

В начале нового XXI в. В. Васильев вступил в новый этап своей общественной и творческой деятельности, связанный с изучением жизни старой якутской интеллигенции, в том числе тех ее представителей, которые по воле судеб были отлучены от своей родины. Он с головой погрузился в историческую тематику, объездил много стран, работал в архивах и музеях Китая, Японии, США, Австралии, Финляндии, Москвы,

Петербурга, Иркутска, собрал уникальный материал и на его основе создал цикл историко-документальных драм [3].

В 2001 г. появилась драма Харысхала «Я обязательно вернусь», посвященная трагической судьбе купца I гильдии, советника коммерции, известного мецената Гаврила Васильевича Никифорова, сына Манньяттааха. Авторское определение ее жанра как роман-драма подтверждается, с одной стороны, эпической широтой охвата жизненного материала, а с другой – драматизмом судьбы героя. В первой части пьесы, получив благословение отца, Гаврил начинает самостоятельную деятельность: строит церкви, помогает голодающим, ставит вопрос об открытии в Якутске мужской прогимназии. Старый Манньяттаах напоминает сыну древнюю легенду об испытании связками прутьев. Ему же приснился вещий сон: сам он стоял на вершине горы, Гаврил оказался на соседней горе, они никак не могут дотянуться друг до друга, тут с запада налетел огненный вихрь и унес с собой обернувшихся журавлями Гаврила с его маленьким сыном. В последних эпизодах первой части изображена революция: повсюду красные флаги, лозунги «Землю – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!», «Мир – народам!», комиссар в кожаной куртке командует расстрелом царских офицеров, на купцов наложены контрибуции. Гаврил Васильевич, отправляясь в эмиграцию, по воспоминаниям современников, заявил: «Я обязательно вернусь!».

Во второй части пьесы он находится за границей, в Харбине. В его семье происходят разные беды: умирает дочь Надежда, арестован сын Иван, другой сын Анатолий собирается вернуться на родину, но отец его отговаривает, впоследствии он становится японским офицером, после тяжелой болезни лишается зрения Мария, жена Гаврила. В драме упоминаются имена якутских интеллигентов, с которыми он встречался за границей – А. Рязанского, Г. Кузьмина, Г. Хоютанова, В. Никифорова. В беседе с последним Гаврил Васильевич очень просто обозначил свою позицию: «Моя политика простая – без всякой политики работать, засучив рукава, и тем самым помогать родине...». В финале тяжело больного Гаврила Васильевича навещают купец П. Кушнарев и отец Мелетий. Он передает Кушнареву портфель с деньгами и просит положить их в банк на имя своего внука. Автор выражает твердую уверенность своего героя, что он вернется на родину, посредством романтической «птичьей» образности: «Однако я надеюсь, что моя душа, обернувшись журавлем, ранней весной с протяжной песней облетит родной алас... Я обязательно вернусь!!!». Пьеса завершается символической сценой: происходит встреча молодых Гаврила и Марии, их окружают члены семьи... Гаврил Васильевич вручает маленькому мальчику счёты, и это означает, что он передает эстафету новому поколению.

В следующей драме Харысхала «Вознесение» (2006) на широком историческом фоне раскрывается не менее трагическая судьба лидера якутского демократического движения начала XX в. Василия Васильевича Никифорова, получившего известность под псевдонимом Кюлюмнюр (Сияющий). Действие драмы происходит в самых разных местах: аласе Нэрэлики, малой родине героя в Усть-Алданском улусе, в Якутске, Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Омске. Среди действующих лиц исторические личности: губернатор Якутской области И. И. Крафт, адмирал А. В. Колчак, государственный и партийный деятель М. К. Аммосов, видные представители якутской интеллигенции П. А. Афанасьев, П. Н. Сокольников, С. А. Новгородов, Р. И. Оросин, А. Д. Широких, поэты А. Е. Кулаковский, А. И. Софронов и другие. Упоминаются имена М. Ломоносова, В. Короленко, Л. Толстого, В. Шекспира, О. Бальзака.

Как и в ранних драмах, автор создает условную ситуацию. В прологе фигурирует образ Манчаары, которому В.Никифоров посвятил свою драму и с которым происходит заочная дискуссия о методах борьбы. Манчаары выступает как сторонник индивидуалистического бунтарства и предлагает опираться только на себя. Кюлюмнюр, напротив, утверждает, что даже сильная личность должна верить не только в свои возможности, но и в «единение народа, силу народа».

В пьесе изображена многогранная общественно-политическая, культурно-просветительская деятельность В. Никифорова в качестве организатора выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г., съезда якутов в 1912 г., создателя «Союза якутов», руководителя Якутского областного земского управления, редактора первых периодических изданий на якутском языке, участника комплексной экспедиции АН СССР в Якутии в 1925–27 гг.

Харысхал сумел раскрыть своего героя и как человека, показать его личную драму. Кюлюмнюр не находит понимания со стороны своей жены Варвары, которая придерживается патриархальных взглядов. Дети тоже не разделяют его убеждений. Он признается своему другу П. Сокольникову, что полюбил молодую образованную девушку Марию Николаеву, и просит у него совета, как поступить, может, оставить общественную стезю, жениться на ней и заняться литературным творчеством. Но тот говорит, что у него иной удел – он должен нести свой крест дальше и взойти на Голгофу.

В эпилоге драмы Кюлюмнюр находится в тюрьме. На свидание к нему приходит дочь Елена, она неожиданно встречает Марию и отдает ей свой пропуск. Прощальным заветом Кюлюмнюра стали обращенные к Марии финальные слова-благопожелания родному народу.

В 2009 г. появилась пьеса-реквием «Ледоход», в которой раскрываются трагические перипетии, выпавшие на долю семьи Ксенофонтовых. Автор снова использует центростремительную композицию: в действии происходят временные смещения, вводятся ретроспекции. В начале драмы глава клана старый Василий Никифорович прощается с родным аласом, вспоминает, как в молодости строил в Бюлтэгире защитную дамбу от весеннего ледохода (көмүөл), как его сыновья устраивали свои судьбы (Гаврил женился на Наталье Кандинской, Павел встретился с Аришей Дуглас, Константин учился в Иркутске), как он предостерегал их от занятий политикой.

Затем действие снова переносится в современность. Происходит революция, погибает Илья, чекисты разыскивают Константина, который уезжает в Китай и занимается там ориенталистикой. Павел получает от имени М. Аммосова задание вернуть увезенную Временным Якутским областным народным управлением за границу пушнину, а также уговорить якутских эмигрантов возвратиться, так как на родине не хватает грамотных людей. В Шанхае Павел встречается с Гаврилом Никифоровым, который советует ему, как через аукцион в Лондоне сбыть пушнину и вырученные деньги передать правительству Якутии.

Между тем трагедии продолжают преследовать Ксенофонтовых. Умирает Наталья, жена Гаврила, сам он уезжает в Иркутск, чтобы заниматься этнографией под руководством своего учителя, профессора Петри. Отец семейства получает известие о смерти Константина в Китае. Другой его сын Аркадий, ставший инженером, был репрессирован и сослан на Колыму. Павел вместе с М. Артемьевым, С. Михайловым и другими представителями национальной интеллигенции стал одним из руководителей движения конфедералистов. Чекисты обратились к старому Василию Никифоровичу с требованием уговорить сына добровольно сложить оружие. Ариша, жена Павла, тоже предлагает ему прекратить вооруженную «демонстрацию» и уехать за границу.

После ареста Павла отец корит себя за то, что уговаривал сына сдать власть, обещавшим амнистию. Он задает риторический вопрос «Кто виноват?» в последовавших репрессиях М. Аммосову, который признает свою ответственность. Вернувшемуся из ГУЛАГА Ивану родители велят срочно уехать на север, чтобы сохранить себя для продолжения рода. В символической финальной сцене старших Ксенофонтовых, Василия и Кэтириис, радостно приветствуют их сыновья Гаврил, Павел, Константин, Аркадий, Илья. По сцене медленно проплывает ледяная лавина – көмүөл...

Две драмы Харысхала основаны на реальных исторических событиях, связанных с героическими деяниями женщин, чьи имена навсегда вписаны в историю Якутии.

В одной из них – «Ангел милосердия» (2009) – писатель обратился к известному эпизоду поездки в Якутию англичанки Кэт Марсден (1859–1931), посвятившей свою жизнь облегчению участи больных лепрой (проказой). Начало ее благородной миссии было положено во время работы в качестве санитарки на русско-турецкой войне, где она впервые столкнулась с больными проказой и дала себе обет попытаться помочь страдающим этим тяжелым недугом. До поездки в Якутию Кэт Марсден успела побывать в Новой Зеландии, Египте, Палестине, Кипре, Константинополе, и везде изучала положение прокаженных. Будучи в Турции, она узнала от одного англичанина, что в российской глубинке, Якутской области, тоже есть больные лепрой, и они используют для лечения некую траву (кучукта). Марсден решила поехать туда, чтобы отыскать эту траву. В конце 1890 г., заручившись поддержкой английской королевы Виктории и русской императрицы Марии Федоровны, она пустилась в долгий и опасный путь. По пути, в Уфе, встретила с епископом Дионисием, который много лет служил в Якутской области, и получила от него рекомендательные письма. С большим трудом преодолев путь длиной в восемь тысяч километров, в июне 1891 г. Кэт Марсден добралась до Якутска, встретила с епископом Мелетием и вскоре в сопровождении небольшого конвоя выехала в Вилуйский округ. Там она воочию увидела, в каких ужасающих условиях существуют прокаженные, и чтобы как-то помочь несчастным, начала собирать средства для строительства лепрозория. Благодаря ее усилиям в 1892 г. недалеко от Вилуйска была открыта колония для больных лепрой. Марсден и в дальнейшем продолжала поддерживать связь с Якутией, отправила туда группу сестер милосердия, следила за строительством лепрозория, которое было завершено в 1898 г. Позднее была построена церковь, а сама колония просуществовала более полувека. В настоящее время на ее месте находится дом-интернат для престарелых и инвалидов, носящий имя Кэт Марсден. В год столетия миссии легендарной английской сестры милосердия найденному в Якутии алмазу весом 55 каратов было присвоено имя Кэт Марсден.

Материалом для другой драмы Харысхала «Лидия. Победить или умереть!» (2016) стала менее известная широкой публике история молодого русского врача Капитолины Михайловны Облезовой, которая в 1930-е гг., получив назначение в далекий Оленек, самоотверженно боролась с эпидемией тифа и ценой своей жизни спасла многих обитателей тундры.

Как и в других пьесах якутского писателя, особую художественную функцию в драме выполняет хронотоп. Так, художественное время распадается на сценическое, то есть современное, авторское время, и внесценическое, сюжетное время, переживаемое героями. Его можно определить по некоторым косвенным реалиям и именам. В частности, все Облезовы, дед, отец, брат героини, которая выступает в драме под именем Лидии, были репрессированы по причине своей принадлежности к дворянскому сословию. Их фамильное кредо, унаследованное от медикуса Гавриила Облезова: «Никакой политики – non politikus! Только лечение людей! Невзирая на их социальное положение – и богатых, и убогих... Только медицина!.. Только здоровье народов России! Будь то русский, малоросс, калмык, черкес, тунгус! Все они сыны Великой Российской державы!» Мать, урожденная княжна Набокова, преподаватель английского языка в университете, вынуждена была покинуть кафедру, так как ей дали понять, что член семьи «врагов народа» не может работать в советском вузе. В Якутии Лидию встретили и проводили в Оленек И. Е. Винокуров, бывший в 1938–1939 гг. наркомом здравоохранения, и молодой летчик Валерий Кузьмин, будущий Герой Социалистического труда. Что касается художественного пространства, то действие в пьесе происходит то в чуме, затерянном в бескрайней тундре, то в старинной квартире потомственных интеллигентов в Петербурге, то в лагере заключенных в Воркуте, то в штабе летного отряда.

При всем многообразии временных и пространственных координат композиция пьесы носит моноцентрический характер, так как все действие строится на рефлексии

главной героини. Из ее неотправленных писем к родным возникает обаятельный облик русской девушки с несгибаемой волей, до конца верной своему нравственному выбору и профессиональному долгу, воплощенному в названии пьесы: «Aut vincere, aut mori!» («Победить или умереть!»). Изготовив в примитивных условиях микстуру от тифа, Лидия пробует ее действие на себе и при этом принимает слишком большую дозу. Исполняя единожды данную клятву Гиппократу, она отдает последнюю таблетку больной девочке, а сама умирает.

В этой драме тоже происходит сочетание правдоподобных, жизненных элементов и эпизодов с условными явлениями и сценами. Так, с одной стороны, рядом с Лидией появляются реальные фигуры, действующие в историческом, сюжетном времени: летчик Кузьмин, народный лекарь Кирбэй, помощник героини Христофор, которому она перед смертью доверяет медицинский саквояж, семейную реликвию врачей Облезовых. Сама Лидия не остается равнодушной ни к красоте северного сияния, ни к доброте и открытости народов Севера, ни к чувствам верного Христофора. Но, с другой стороны, то и дело возникают виртуальные лики дорогих для нее людей, которые наяву беседуют с ней, дают советы и даже устраивают консилиум.

«Эффект очуждения» достигается посредством использования латинских афоризмов и оборотов:

- Terra incognita (Неведомая область);
- Dum spiro – spero! (Пока дышу – надеюсь!);
- Aleger kom aleger! (На войне как на войне!);

или библейских заповедей; или протяжных песнопений Христофора; или финальной органной музыки и грустного романса на слова И. С. Тургенева «Утро туманное, утро седое», с пением которого все Облезовы уходят в небытие.

В двух следующих драмах «Учитель» и «Незабываемое имя» на широком историческом фоне Харысхал создал образы известных деятелей советской Якутии – Народного учителя Михаила Андреевича Алексеева и первого секретаря Якутского обкома ВКП (б) Ильи Егоровича Винокурова. Обе они имеют документальную основу, не случайно жанр первой из них обозначен автором как пьеса-очерк. В ней действуют реальные исторические личности: Герой Советского Союза Н. А. Кондаков и его супруга Н.И. Протопопова, чувашский поэт В. Е. Митта, иеромонах Алексей (Оконешников), академик Ю. Б. Румер, а также упоминаются И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, философы Кант и Ницше, ученые А. Эйнштейн, Л. В. Киренский, М. А. Лаврентьев, И. С. Кычкин, поэты А. Софронов, П. Ойунский, С. Данилов. Во второй драме среди действующих лиц фигурируют секретари Якутского обкома партии И. Л. Степаненко, Р. А. Муратов, С. А. Бордонский, С. З. Борисов, ученые Г. П. Башарин, А. Е. Мординов, Ф. Г. Софронов, З. Гоголев, А. Новгородов, А. А. Петросян и другие исторические личности.

В драме «Учитель» крупным планом возникает образ человека трудной судьбы, который прошел через фашистский плен, несправедливое осуждение, ГУЛАГ, интриги, но не сломался, стал выдающимся педагогом, единственным в республике Народным учителем СССР. При этом автор фиксирует основное внимание не на внешнем событийном плане, а на внутреннем потоке мыслей и чувств героя.

В центре драмы «Незабываемое имя» тоже находится выдающаяся личность, внесшая огромный вклад в социально-экономическое развитие Якутии. Выходец из Намского улуса, рано оставшийся сиротой, благодаря своему таланту и энергии стал одним из руководителей родной республики в самый сложный период ее истории. Будучи наркомом здравоохранения, заместителем председателя, затем председателем Совета народных комиссаров Якутской АССР, И. Е. Винокуров много сделал для спасения населения от голода во время жестокой засухи в предвоенные и военные годы, для промышленного развития республики, освоения месторождений полезных ископаемых. Став первым секретарем Якутского обкома ВКП (б), он вел целенаправленную работу

по защите наследия классиков якутской литературы во время политической кампании, направленной против так называемых «буржуазных националистов». И. Е. Винокурову принадлежали большие заслуги в развитии высшего профессионального образования, и в частности он был сторонником открытия на базе педагогического института государственного университета, в противовес мнению С. З. Борисова о создании политехнического института. Все эти стороны его разнообразной деятельности на благо родного народа получили отражение в пьесе-реквиеме Харысхала. Заслугой автора является объективная оценка роли участников идеологической борьбы, развернувшейся вокруг книги Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», а также изображение теневых сторон жизни советского общества, в частности последствий командно-административного стиля партийного руководства и вмешательства органов госбезопасности.

Раскрывая причины во многом трагического удела своих героев, Харысхал ссылается не только на реальное воздействие на их жизнь самой системы, но и на специфику национальной ментальности. В драме «Учитель» герой с грустью констатирует: «У нас, якутов, есть очень плохая привычка – испытывать нездоровое соперничество, зависть друг к другу». Ему вторит главный герой драмы «Незабываемое имя»: «Мы, якуты, имеем большой недостаток, дурную привычку завидовать, “топить” друг друга».

В художественном отношении в драмах «Учитель» и «Незабываемое имя», как и в ранних пьесах якутского писателя, ощущаются традиции Б. Брехта. В них тоже наблюдается синтез реального и условного, тоже обнаруживается многообразие временных моментов и мест действия. Например, в «Учителе» происходят временные смещения, действие то переносится в прошлое, то возвращается в настоящее; меняются пространственные планы, военные эпизоды чередуются с мирными, события происходят то на фронте, то в лагере, то в сельской школе.

Во второй драме классики национальной литературы А. Кулаковский, А. Софронов, Н. Неустроев не только постоянно присутствуют в качестве «параперсонажей», но и появляются в статусе «онлайн» и обращаются с напутствием к молодым собратьям по перу. Кроме того, посредством введения в пьесу фигуры безымянного Режиссера создается игровая ситуация, и в финале звучат пророческие слова профессора Арфо Петросян: «Имена гениальных писателей Ексекуляха, Алампа, Неустроева золотыми буквами занесены в анналы мировой литературы» [8, с. 263].

Средствами создания «эффекта очуждения» служат литературные аллюзии и реминисценции. В драме «Учитель» упоминаются Библия, сонеты и трагедии В. Шекспира, «Красный шаман» П. Ойунского, стихотворение «Здравствуй, Родина!» А. Софронова, в драме «Незабываемое время» – рубаи О. Хайяма, стихи А. Кулаковского.

Заключение

Таким образом, В. Е. Васильев-Харысхал как художник слова внес существенный вклад в якутскую литературу. В проблематике его прозаических и драматических произведений получили глубокое отражение многие сложные процессы, происходившие в стране и родной республике, начиная с трагических последствий Гражданской войны, включая политические репрессии и кончая кризисными явлениями в годы развала Советского Союза. Свидетельством мастерства Харысхала как прозаика служит богатый арсенал поэтических средств, включающий такие приемы и принципы, как внутренний монолог, интертекст, образная анималистика, поэтика сновидения и другие. Подлинно новаторскими явлениями в национальной литературе стали драмы писателя, в которых он, опираясь на традиции русской и якутской классики, используя опыт мирового театрального искусства, создал собственную драматургическую систему. Не случайно спектакли, поставленные по его пьесам А.С. Борисовым и другими современными режиссерами, имеют широкий общественный резонанс и тем самым обогащают культуру народа саха.

Л и т е р а т у р а

1. Томашевский А. Признание пришло, а трудности остались // Театральная жизнь. – 1985. – № 21.
2. Кириллин Д. В., Павлова В. Н., Шевков С. Д. Писатели земли Олонхо: Биобиблиографический справочник. – Якутск, 1995.
3. Васильев В. Е. Харысхал // Якутия–2000: Календарь знаменательных и памятных дат. – Якутск, 2000.
4. Олоҕу кырдьыктаахтык (Биллиилээх драматург В. Е. Васильев-Харысхал айар үлэтэ). / В кн.: Харысхал. Эргиллиэм хайаан да! – Дьокуускай, 2017.
5. Петров А. А. Особенности прозы Василия Харысхала: система образов, поэтика (на материале повести «Сүтэрсибит сүрэхтэр») // Вестник СВФУ. – 2019. – № 4.
6. Мид Дж. Г. Избранное: Сборник переводов. – М., 2009.
7. Kardiner A., Linton R. The Individual and His Society. – New York, 1945.
8. Харысхал. Эргиллиэм хайаан да!: пьесалар. – Дьокуускай: Медиа-холдинг Якутия, 2017.

References

1. Tomashevskij A. Priznanie prishlo, a trudnosti ostalis' // Teatral'naya zhizn'. – 1985. – № 21.
2. Kirillin D. V., Pavlova V. N., Shevkov S. D. Pisateli zemli Olonho: Biobibliograficheskij spravochnik. – Yakutsk, 1995.
3. Vasil'ev V. E. Haryskhal // Yakutiya–2000: Kalendar' znamenatel'nyh i pamyatnyh dat. – Yakutsk, 2000.
4. Oloҕu kырдь'ykтааhtык (Billiileekh dramaturg V. E. Vasil'ev-Haryskhal ajar үлeтe). / V kn.: Haryskhal. Ergilliem hajaan da! – D'okuuskaj, 2017.
5. Petrov A. A. Osobennosti prozy Vasiliya Haryskhala: sistema obrazov, poetika (na materiale povesti «Sytersibit syrekhter») // Vestnik SVFU. – 2019. – № 4.
6. Mid Dzh. G. Izbrannoe: Sbornik perevodov. – M., 2009.
7. Kardiner A., Linton R. The Individual and His Society. – New York, 1945.
8. Haryskhal. Ergilliem hajaan da!: p'esalar. – D'okuuskaj: Media-holding Yakutiya, 2017.



УДК 821.512.162
УДК 821.512.157

С. И. Иманова

Особенности просветительских идей М. Ф. Ахундова и А. Е. Кулаковского

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы изучения национальной классики в контексте межкультурной коммуникации. Наследие классиков определяют национальную традицию. В рамках сравнительного литературоведения актуализированы такие понятия, как «национальная литература» (художественное выражение самосознания народа), «региональная литература» и «мировая литература» (система национальных литератур мира, активно взаимодействующих между собой). Актуальность темы обусловлена художественной и личностной ценностью творческой и общественной деятельности представителей двух разных культур, писателей-просветителей – азербайджанца Мирза Фатали Ахундова и якута Алексея Елисеевича Кулаковского. Соотнесение позиций двух просветителей, принадлежащих к разным эпохам и разным культурам – Азербайджана и Республики Саха (Якутия) – позволяет в свою очередь сделать выводы об их самобытности и индивидуальности. Результатом анализа стало выявление общего в общественной деятельности представителей двух разных стран. Подобные исследования способствуют дальнейшему сближению национальных литератур. Представляется перспективным дальнейшее исследование взаимодействия литератур.

Ключевые слова: национальная литература, самобытность, М. Ф. Ахундов, якутская интеллигенция, А. Е. Кулаковский, азербайджанская литература, взаимодействие литератур.

S. I. Imanova

Features of educational ideas of M. F. Akhundov and A. E. Kulakovsky

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Abstract. The article studies the issues and prospects of studying the national classics creativity in the context of intercultural communication. The legacy of the classics is a significant definition of the national tradition. Within the framework of comparative literary studies, such concepts as "national literature" (artistic expression of the self-consciousness of the people), "regional literature" and "world literature" (a system of national literatures of the world, their active interacting with each other) have been investigated. The relevance of the topic is conditioned by the artistic and personal value of the creative and social activity of two writers-enlighteners, representatives of different

ИМАНОВА Севиндж Ингилаб гызы – к. филол. н., ведущий специалист отдела азербайджановедения и славистики НИЛ Бакинского славянского университета.

E-mail: sevinc10@rambler.ru

IMANOVA Sevinj Ingilab – Candidate of Philological Sciences, Leading Specialist of the Department of Azerbaijan Studies and Slavic Studies, Research Laboratory, Baku Slavic University.

cultures: Azerbaijani Mirza Fatali Akhundov and Yakut Aleksey Elisseyevich Kulakovsky. Correlation of the positions of two enlighteners belonging to different cultural regions – Azerbaijan and the Sakha Republic – allows, in turn, to come to definite conclusions about their originality and individuality. The result of the analysis is the identification of the common points in public activity of representatives of two different countries. Such studies contribute to the further convergence of national literatures, the further study of the interaction of literatures seems future-oriented.

Keywords: national literature, originality, M. F. Akhundov, yakut intelligentsia, A. E. Kulakovsky, azerbaijani literature, interaction of literatures.

Введение

Вторая половина XIX в. стала новым этапом в истории развития просветительской и общественной мысли Азербайджана. Этому способствовало в первую очередь присоединение Азербайджана к России, в связи с чем начали развиваться связи в области науки и культуры. Бесценны заслуги таких представителей науки и культуры, как А. Бакиханов, Мирза Кязым-бек, Мирза-Джафар Топчибашев, Мирза Шафи Вазех, М. Ф. Ахундов, усилия которых были направлены на усвоение лучших достижений русской литературы, науки и философии азербайджанской средой и в то же время на ознакомление передовой русской общественности с сокровищницей восточной культуры.

Хронологически якутский литературный язык сформировался в XIX и начале XX вв., а зарождение художественной литературы народа саха относится к началу XX в., что было реализовано А. Е. Кулаковским, А. И. Софроновым, Н. Д. Неустроевым [1, с. 112].

К подготовке статьи привлечены избранные труды М. Ф. Ахундова и А. Е. Кулаковского, использованы научные статьи по данной теме и архивные источники.

Основные этапы творчества М. Ф. Ахундова

Мирза Фатали Ахундов (1812–1878) является основоположником азербайджанской драматургии и литературно-критической мысли, выдающимся философом-материалистом, просветителем, талантливым педагогом, реформатором азербайджанского алфавита с арабской графикой. Главной целью и смыслом его жизни было «разбудить народы Азии от тяжелого сна невежества» [2, с. 7].

М. Ф. Ахундов родился в 1812 г. в городе Шеки (в те годы Нуха). Воспитывал маленького осиротевшего Фатали дядя его матери Ахунд Алескер, имевший высокий духовный сан – ахунд; отсюда и его фамилия. Решающее влияние на формирование мировоззрения будущего философа-просветителя оказал известный азербайджанский поэт Мирза Шафи Вазех, его учитель в медресе, яростно критиковавший пороки духовенства и феодальной знати. Именно под влиянием своего наставника молодой Ахундов уходит из медресе, поступает в русскую школу и начинает углубленно изучать русский язык. К тому времени он уже свободно владел восточными языками – персидским и арабским. В 1834 г. молодой Ахундов поступает на службу в канцелярию начальника управления гражданской частью Кавказа барона Розена в Тифлисе переводчиком с восточных языков. Кропотливая и неблагодарная переводческая деятельность не мешает ему совмещать с работой изучение произведений великих русских писателей и поэтов, в числе которых были М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин и др. Не меньшую роль в формировании демократических убеждений М. Ф. Ахундова сыграло знакомство с сосланными на Кавказ участниками декабрьского восстания 1825 г. на Сенатской площади Санкт-Петербурга, в частности, с А. С. Бестужевым-Марлинским, совместно с которым было переведено первое значительное произведение начинающего поэта «Восточная поэма на смерть Пушкина» (1837), опубликованное под псевдонимом Сабухи (Утреннее дуновение). Это своего рода реквием по великому русскому поэту:

«...Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.
Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.
Он смело осушал тот драгоценный кубок, –
Что наполнял вином познания Карамзин...
Вся русская земля рыдает в скорбной муке,
Он лютым палачом безжалостно убит.
Он правдой не спасен – заветным талисманом –
От кривды колдовской, от козней и обид...
Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит!» [3, с. 193-194]
(пер. П. Антокольского)

Основное место в ряду философских произведений М. Ф. Ахундова занимает знаменитый трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ сего последнего» (1860–1865), в котором он выступает с яростной критикой духовенства, социального неравенства, несправедливости общественных порядков, при которых только одна часть общества пользуется всеми благами, а другая вовсе лишена всего. По поводу данного трактата известный прозаик Чингиз Гусейнов писал: «...на каждой странице боль, ибо нестерпимо видеть это тиранство, попрание прав народа» [4, с. 262].

В первом письме персидскому принцу Джелал-уд-Довле индийский принц Кемал-уд-Довле («Мудрость Государства») пишет о положении в Персии следующее: «...с одной стороны давит необузданный деспотизм государей, а с другой – грубый невежественный фанатизм духовенства» [2, с. 57]. Во всех бедах он обвиняет арабов, навязавших силой меча свои законы. Кемал-уд-Довле считает, что «всякое человеческое существо, явившееся на свет, должно пользоваться даром полной свободы, как требует здравый рассудок. Полная свобода двоякая: одна – свобода духовная, другая – свобода телесная, т. е. светская. Первая свобода наша отнята у нас духовенством. <...> Вторая свобода наша отнята у нас деспотом. Мы во все время нашей жизни служили средством к удовлетворению разных его прихотей, исполняя тяжкие его требования нашим телом и имуществом, как рабы, не располагающие ни волею, ни собственностью» [2, с. 78].

Устами Кемал-уд-Довле М. Ф. Ахундов обвиняет народ в недостатке «единодушия и единомыслия» при численном превосходстве и призывает его пробудиться от векового сна и сбросить тяжкое ярмо ненавистного строя. На помощь народу в этом нелегком деле должна прийти литература и искусство, став отражением реальной жизни и служа интересам основной массы. Все это должно способствовать просвещению народа. А для того, чтобы претворить указанное в жизнь, по мнению Ахундова, необходим новый алфавит, более упрощенный и доступный народу, «...на образец европейских алфавитов с выбором латинских букв <...> для пользы своей несчастной нации» [2, с. 172].

М. Ф. Ахундов прилагает все усилия для разработки нового проекта азербайджанского алфавита. Он обращается с просьбой в высшие инстанции: отправляет письмо академику Дорну; просит отзывов иранских и турецких представителей о своем проекте; заключение правительства Турции. Однако турецкое правительство не оправдало надежд великого просветителя. Отказ изменить алфавит объяснялся тем, что он является «составной частью» религии ислама. Но это не сломило М. Ф. Ахундова. Ахундов предлагает принять русский алфавит, так как считает, что современные «литографические издания нередко бывают наполнены ошибками и обходятся несравненно дороже типографических, вследствие чего они недоступны для бедного класса» [2, с. 65]. Только так, считал он, возможно слияние с русской нацией, что способствовало бы взаиморазвитию двух культур.

Подтверждением тому являются его письма Рухильгудсу от 2 июня 1871 года: «...грядущее поколение и наши дети будут нас жалеть, и наши идеи они претворят в жизнь и над нашими могилами воздвигнут памятники» [2, с. 304] и Мирзе Юсиф-хану от 8 июня 1871 года, в котором он писал: «Отказаться от своей идеи – замены старого алфавита – для меня дело невозможное. <...> заверяю Вас, что вопрос об алфавите, если не разрешится сегодня, то завтра состоится. Если же оно не осуществится и завтра, то это произойдет послезавтра» [2, с. 324–325].

Идея М. Ф. Ахундова о реформе алфавита – замене арабского алфавита латинским – была реализована в 1927 году. Но латинский алфавит просуществовал недолго – до 1939 года, а восстановлен был только в 1991 году после приобретения Азербайджаном государственного суверенитета.

Парадоксально, что спустя некоторое время решением аналогичных проблем в истории и жизни якутского народа занимался великий мыслитель А.Е. Кулаковский, заслуги которого столь бесценны перед народом саха.

Основные этапы творчества А. Е. Кулаковского

Алексей Елисеевич Кулаковский (1877–1926) – основоположник национальной якутской классической литературы, первым письменным образцом которой стало его произведение «Закливание Баяная» (ноябрь – декабрь 1900 г.).

Художественная оригинальность, своеобразие и самобытность А. Е. Кулаковского – талантливое писателя, дальновидного человека и Учителя по призванию – заключались в умении раскрывать противоречия современного ему общества, в отражении насущных проблем переходной эпохи – эпохи полной неимоверных трудностей и столкновений. Кулаковский предстает перед читателем не только как поэт, философ, историк, фольклорист, экономист, но и как предсказатель будущего и народа саха, и всей России, за судьбу которой он тревожился не меньше. Об этом мы узнаем, читая одно из уникальных творений поэта под названием «Сон шамана» (1910):

...Потому-то народы могучие
Стали искать причины
С народами могучими воевать,
Потому-то народы великие
Стали с пристрастием
Битвы великие затевать,
Потому-то нации избранные
Захотели с избранными
Междоусобные распри иметь... [5, с. 43].

Дар предвидения, которым обладал Кулаковский, позволял ему предсказать революцию в России, Гражданскую войну и ее ужасающие последствия:

...Государей
Убрали,
Господ
Прогнали,
Владык обезглавили... [5, с. 59-60].
Но далее:
...не найдя общего слова,
Брат порезал брата,
Сын подрался с отцом... <...>
...Миллионы людей
В красное наряжаясь,
В кровавой сече полегли... [5, с. 60]
(Пер. А. Шапошниковой)

Это просто сон, который станет явью, и шаман просит помощи и благословения у духов, молится за спасение своего народа от нелепой гибели и плачевной участи.

Будущее процветание Якутии А. Е. Кулаковский, как и М. Ф. Ахундов, видел в слиянии с русским народом, русской социально-культурной средой. Встревоженный переселенческой политикой царской России, Алексей Елисеевич пишет свое знаменитое послание «Якутской интеллигенции» (май 1912 г.), исполненное тревоги за будущее народа саха. Послание, написанное под псевдонимом Ексеюлях Елексей, стало программным для общественности Якутии. Письмо Кулаковского не сразу стало общественным достоянием. Оно было «репрессированным» [6, с. 122] и только через 80 лет увидело свет.

В поисках пути спасения от вымирания нации А. Е. Кулаковский приходит к выводу, что «единственным рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими – благо, что помесь с последними даст хорошие плоды» [7, с. 65]. Вместе с тем автор отмечает, что «лишь русские и мы – якуты – не можем проснуться от векового сна. Скрип заржавевшего механизма жизни российских народов слышен где-то далеко, позади течений жизни других народов...» [7, с. 63].

Вполне справедлив Н. М. Коняев, утверждая, что в послании «Якутской интеллигенции» автор «рассматривал вопрос о спасении якутского народа как этноса на фоне обозрения современной ему ситуации в мире, но – странное дело! – хотя и не совершается в письме никакого камлания, но читаешь это письмо, написанное почти 100 лет назад, а кажется, что оно написано о нашем времени...» [6, с. 120].

Особый интерес представляет статья проф. Р. Г. Кулиевой «Идеи А. Е. Кулаковского в эпоху глобализации», где она отмечает, что в послании А. Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции» дан «прекрасный анализ ретроспективы и перспективы развития не только якутской, но и мировой цивилизации. Его [Кулаковского – И. С.] тревоги относительно китайской ассимиляции стали сегодня реальными» [8, с. 11].

Значительным в данной работе следует определить выбор автором формы живого диалога с современниками, где социально-исторические проблемы и сопутствующие им вопросы с первых страниц послания раскрываются автором «с ориентацией на рецептивные контексты с их восполняющей функцией по отношению к выдвигаемым идеям» [9]. В этом плане авторское начало в тексте заключается не столько в выражении своих мыслей по конкретной теме, сколько в стремлении усилить интерес читателя к жизненно важным вопросам, перед которыми состоятельное образованное сословие общества – интеллигенция – несет духовную ответственность.

Первый Всесоюзный тюркологический съезд

С 26 февраля по 6 марта 1926 г. в Баку проходил Первый Всесоюзный тюркологический съезд, на котором присутствовали видные деятели науки и искусства, именитые тюркологи со всех республик, в числе которых были В. В. Бартольд, М. П. Павлович (М. Л. Вельтман), С. Ф. Ольденбург, С. И. Руденко, Н. Ф. Яковлев, Н. Н. Поппе, А. Н. Самойлович, М. Ф. Кеprüлю-Заде, Н. Ф. Катанов, Ф. Ф. Менцель, Г. Губайдулин, Б. В. Чобан-Заде и др. Вопрос о замене алфавита был одним из главных вопросов съезда. А. Е. Кулаковский, назначенный руководителем делегации, представляющей Якутию (в ее состав входили А. И. Софронов-Алампа и И. Н. Барахов), не смог принять участие в работе съезда по причине резкого обострения язвенной болезни. Вместо Алексея Кулаковского на съезд был командирован А. Н. Иванов-Кюнде. То, что якутской делегации не удалось выступить с докладом, с сожалением отметил И. Н. Барахов, но были представлены тезисы в «Бюллетене» Съезда.

Вслед за Г. Г. Ибрагимовым (представитель татарской делегации, г. Казань), подчеркнувшим, что Якутская область в силу исторических событий «очутилась в очень трудном географическом положении» [10, с. 165], И. Н. Барахов отметил, что якуты «были отрезаны от остальной массы тюрков жизнью, во многом потеряли однородность языка»

[10, с. 289–290]. Далее Исидор Никифорович проинформировал участников совещания о наличии до революции четырех вариантов якутского алфавита на русском шрифте, указал на недостатки его и недоступность для большинства, т. е. для народной массы. Но после революции 1917 г. встал вопрос о необходимости нового общедоступного алфавита. Известно, что решением данной проблемы занимался ученик А. Е. Кулаковского лингвист С. А. Новгородов, принявший «международную фонетическую транскрипцию, которая, в свою очередь, основана на латинских буквах» [10, с. 290].

А. Е. Кулаковский был не согласен с проектом Новгородова, в алфавите которого отсутствовали надстрочные знаки, заглавные буквы и знаки препинания. Он неоднократно указывал на недостатки этого алфавита. В частности, в статье «Новая транскрипция якутского языка», напечатанной по распоряжению И. Н. Барахова в первом номере журнала «Красный север» за 1921 г., А. Е. Кулаковский рассматривает проект С. А. Новгородова как «грядущую беду» и предлагает «создать новую азбуку на стенографических началах или принять бетлингковскую...» [7, с. 214].

Безусловно, эти недостатки были устранены. И. Н. Барахов подчеркнул, что главный вопрос «не о преимуществах латинского или арабского алфавита», а «о согласовании разрозненных опытов создания единого тюркского алфавита, пригодного в числе других языков и для якутского» [10, с. 291].

Участник съезда, известный востоковед М. П. Павлович (Вельтман), в прошлом – ссыльный в Якутии, в своем докладе «Культурные достижения тюрко-татарских народностей со времен Октябрьской революции» отметил якутский словарь Э. К. Пекарского как первый шаг в создании национальной литературы.

Заключение

Таким образом, вся творческая и просветительская деятельность М. Ф. Ахундова и А. Е. Кулаковского служит одной главной цели – указать передовой интеллигенции правильный путь служения обществу, исходя при этом из собственных, а не навязанных извне побуждений. Они выступали против разделения людей и их противопоставления друг другу независимо от национальной принадлежности, ратовали за взаимодействие народов и обмен культурными достижениями между народами всего мира. Сопоставление творчества двух философов-просветителей вновь и вновь раскрывает сложность культурного взаимодействия.

Л и т е р а т у р а

1. Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – М.: Наука, 2012. – 599 с.
2. Ахундов М. Ф. Избранные философские произведения. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1953. – 378 с.
3. Ахундов М. Ф. Избранные произведения. – Баку: Азернешр, 1987. – 294 с.
4. Гусейнов Ч. Г. Фатальный Фатали. – М.: Книга, 1987. – 350 с.
5. Кулаковский А. Е. Благословение: Избранные стихи и поэмы. – Якутск: Бичик, 2008. – 128 с.
6. Коняев Н. М. Алексей Кулаковский. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 360 с. (Жизнь замечательных людей).
7. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. – Новосибирск: Наука, 2012. – 189 с.
8. Кулиева Р. Г. Идеи А. Е. Кулаковского в эпоху глобализации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы исследования национальной классики», посвященной 70-летию со дня рождения Людмилы Реасовны Кулаковской (8-10 октября 2018 г.). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. – С. 9-14.
9. Сивцева-Максимова П. В. Публицистика А. Е. Кулаковского в вузовском преподавании: особенности раскрытия главной идеи автора. – URL: <http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=12021>

10. Материалы Первого Всесоюзного тюркологического съезда (26 февраля – 6 марта 1926 г.). – Баку: Изд-во при БК АКП (б) «Бакинский рабочий», 1926.

References

1. Jakuty (Saha) / otv. red. N. A. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova; In-t jetnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaja RAN; In-t gumanitarnyh issledovanij i problem malochislennyh narodov Severa SO RAN. – M.: Nauka, 2012. – 599 s.
2. Ahundov M. F. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. – Baku: Izd-vo AN AzSSR, 1953. – 378 s.
3. Ahundov M. F. Izbrannye proizvedeniya. – Baku: Azerneshr, 1987. – 294 s.
4. Gusejnov Ch. G. Fatal'nyj Fatali. – M.: Kniga, 1987. – 350 s.
5. Kulakovskij A. E. Blagoslovenie: Izbrannye stihi i pojemy. – Jakutsk: Bichik, 2008. – 128 s.
6. Konjaev N. M. Aleksej Kulakovskij. – M.: Molodaja gvardija, 2011. – 360 s. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej).
7. Kulakovskij A. E. Jakutskoj intelligencii. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 189 s.
8. Kulieva R. G. Idei A.E.Kulakovskogo v jepohu globalizacii // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennye problemy issledovanija nacional'noj klassiki», posvjashhennoj 70-letiju so dnja rozhdenija Ljudmily Reasovny Kulakovskoj (8-10 oktjabrja 2018 g.). – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2019. – 360 s., s. 9-14.
9. Sivceva-Maksimova P. V. Publicistika A. E. Kulakovskogo v vuzovskom prepodavanii: osobennosti raskrytiya glavnoj idei avtora // <http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=12021>
10. Materialy Pervogo Vsesojuznogo tjurkologicheskogo s#ezda (26 fevralja – 6 marta 1926 g.). – Baku: Izd-vo pri BK AKP (b) «Bakinskij rabochij», 1926.



УДК 821.512.157Ойунский.09

*В. Б. О कोरोКОВА***Философские ракурсы творчества П. А. Ойунского**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы интерпретации личности якутского писателя-философа Платона Алексеевича Ойунского (1893–1939) в плане его самоидентификации, поиска своего места в литературе, обществе и истории, его борьбы за истину и общечеловеческие вечные ценности. В статье используется комплекс таких традиционных методов, как историко-функциональный, типологический и сопоставительный. В итоге анализа произведений писателя выявляется цельность его творческой личности. Художественная концепция действительности П. А. Ойунского реализуется в его крупных философских произведениях: «Никус Помешанный», «Красный Шаман», «Великий Кудангса», «Александр Македонский», которые становятся точкой отсчета эволюции его взгляда на мир. Как писатель-философ, он размышлял об общечеловеческих проблемах бытия и смерти, назначения человека и его судьбы, о роли великих людей в истории, о борьбе Добра и Зла, Разума и Силы. Ойунский показал в своих произведениях торжество Разума, вечных истин человечества и предвидел, что, благодаря творчеству, его имя не будет забыто народом. Писатель искал ответы на животрепещущие вопросы современного ему общества. Особое внимание уделял созданию героических образов, борющихся за счастье народа и меняющих мир. Ойунский стал основоположником новой якутской литературы.

Ключевые слова: П. А. Ойунский, писатель-философ, творчество, аллегория, хронотоп, образы и идеи, романтизм.

*V. B. Okorokova***Philosophical perspectives of P. A. Oyunsky's work**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The article examines the problems of interpreting the personality of the Yakut writer and philosopher Platon Alekseevich Oyunsky (1893-1939) in terms of his self-identification, the search for his place in literature, society and, in general, history, his struggle for truth and universal, eternal values. The article uses a complex of such traditional methods as historical-functional, typological and comparative. As a results of the analysis of the writer's works, the integrity of his creative personality will be revealed. P. A. Oyunsky's artistic concept of reality is realized in his major philosophical works – "Nikus the Madman", "The Red Shaman", "The Great Kudangsa", "Alexander the Great", which become the starting point for the evolution of his view of the world. As a writer and philosopher, he reflected on the universal problems of being and death, the purpose of man and his fate, the role

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна – д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: bokorsaisar@mail.ru

OKOROKOVA Varvara Borisovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Yakut Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

of great people in history, the struggle between Good and Evil, Reason and Power. Ojunksky showed in his works the triumph of Reason, the eternal truths of humanity and foresaw that thanks to his creativity, his name would not be forgotten by the people. The writer was looking for answers to the burning questions of modern society. He paid special attention to creating heroic images that fight for the happiness of the people and change the world. Ojunksky became the founder of the new Yakut literature.

Keywords: P. A. Ojunksky, writer/philosopher, creativity, allegory, chronotope, images and ideas, romanticism.

Монументальная личность П. А. Ойунского как государственного, политического, общественного деятеля и писателя-философа была востребована конкретной эпохой и социальными катаклизмами XX в. Он – первый революционер якутского народа, государственный деятель, создавший основы государственности и Якутскую автономную республику, первый ученый из якутов, организовавший основы науки в республике, писатель, создавший новую литературу, талантливый олонхосут, боровшийся за сохранение национальных культурных традиций.

Интерпретация цельной личности Ойунского как писателя-философа становится наиболее актуальной на современном этапе, так как, с одной стороны, материалы по его жизнедеятельности и творчеству достаточно полны для дальнейшего анализа, с другой – комплексное исследование контекстов его произведений выявит цельность его личности. Потому имманентный анализ произведений писателя должен получить развитие и перейти к синтезу, т.е. к интерпретации. Научно обоснованная теория интерпретации художественного произведения представлена в трудах Потебни А. А., Скафтымова А. П., Бахтина М. М., Аверинцева С. С., Бушмина А. С., Есина А. Б., Хализева В. Е., Чернец Л. В. и др. Благодаря их трудам герменевтика развивается как наука. По теории А. А. Потебни, интерпретация многовариантна, так как произведения великих писателей по своему содержанию неисчерпаемы. Поэтому интерес к ним у литературоведов не исчезает. Цель данной работы – выявить цельную творческую натуру П. Ойунского и значение его творчества.

Платон Алексеевич Ойунский (Слепцов) – основоположник якутской советской литературы, поэт-революционер. Его первое произведение «Песня трудящегося», вольный перевод «Марсельезы», было написано под влиянием революционных событий в 1917 г. И с этой поры он становится известным всему народу автором революционных стихотворений, которые мгновенно распространялись и становились известными песнями народа: «Песня свободы», «Заветы орла», «Власть – Совету!» и др.

П. А. Ойунский, будучи студентом, стал членом революционной организации, руководимой Е. Ярославским, Г. Петровским, затем с оружием в руках боролся за установление советской власти. Вместе со своими соратниками – М. К. Аммосовым, И. Н. Бараховым – они сумели отстоять концепцию автономии и добились принятия указа партии об организации на территории Якутии автономной советской социалистической республики (1922). Как видный советский, государственный и партийный деятель, П. А. Ойунский в течение долгих лет работал на ответственных постах республики. Вот только некоторые факты из его деятельности: «27 мая 1922 г. ревком образовал первое правительство – Совет Народных Комиссаров Якутской АССР. Председателем Совнаркома был утвержден П. А. Ойунский. Был утвержден проект закона – Конституции Всеякутского съезда Советов, подготовленный под непосредственным руководством и участием П. А. Ойунского. На Первом съезде

советов (1923) П. А. Ойунский был избран Председателем ЦИК ЯАССР. В этот период государственная деятельность П. А. Ойунского была насыщена заботой о восстановлении разрушенного войной народного хозяйства, реконструкции его на социалистический лад, проведении культурной революции... Много усилий было затрачено на организацию разгрома белогвардейской авантюры генерала Пепеляева в 1923 г. и вооруженных выступлений против советской власти в 1924–1925 гг. В 1924 г. П. А. Ойунский принимал участие в качестве делегата в работе XI Всероссийского и II Всесоюзного съездов Советов, присутствовал на похоронах В. И. Ленина. Организовал подготовку проекта первой Конституции ЯАССР (1924) и т. д.» [1, с. 76–77].

Но он находил время и для творчества не только потому, что считал создание новой художественной литературы первостепенной целью современного ему искусства, но и сам был насквозь одухотворенным человеком-творцом. По свидетельству знакомых и родственников, он отводил сну очень мало времени, все видели его как поздно вечером, так и ранним утром сидящим за письменным столом.

П. А. Ойунский работал во всех жанрах литературы, он был поэтом, прозаиком и драматургом. 1920-е годы были в якутской литературе эпохой П. А. Ойунского. Его произведения читались, распространялись, у него учились, многие молодые писатели следовали его принципам.

Ойунский преклонялся перед талантом великих писателей всего мира и призывал молодых писателей учиться у них: «... ради преобразования мира и превращения земли в прекрасное жилище человечества, ради служения интересам нашего счастливого бесклассового общества, должны овладеть всем культурным наследием человечества... Мы способны будем дать гигантов в будущем, если овладеем литературным наследством таких мировых имен, как Гомер, Фердоуси, Руставели, создавших великие эпические поэмы, близкие к нашему народному богатырскому эпосу, если мы овладеем наследством гигантов, как-то: Шекспира и Пушкина, Гете и Байрона, Горького и Толстого, Роллана и Барбюса» [2, с. 80].

Мощным неиссякаемым источником для творчества современных писателей Ойунский считал устное народное творчество. В то время молодые писатели-нигилисты, пролеткультовцы отказывались от наследства т.н. «буржуазных» писателей, не принимали традиции устного народного творчества. Героический эпос-олонхо считался ими произведением темного, отсталого, необразованного народа. На такие выпады молодых критиков Ойунский не только давал гневные оповедия, но и делом доказывал тщетность, суетность, сиеминутность их усилий. «Как бы ни шумели мои некоторые современники, воспевающие глупейшие погребальные гимны народному творчеству и прославляющие себя как львов и орлов современности, их шум меня не заставит бросить недоконченный мой труд по народному творчеству и не заставит меня встать на путь крикливого осуждения народного творчества» [3, с. 86]. В отместку и назидание им писатель создал свое произведение «С сияющим личиком красавица Туяаарыма-Куо», а в дальнейшем взялся за огромный труд – написание олонхо «Нюргун Боотур-стремительный» в девяти частях, которому отдал несколько лет работы. Он как прекрасный знаток устного народного творчества создал его из 33 олонхо и представил лучший образец якутского эпоса, состоящий из 36 тысяч строк стихов. Он не только обессмертил народный героический эпос, но и сделал его достоянием всего человечества: якутский героический эпос на заре нового XXI века признан ЮНЕСКО мировым шедевром. И это стало его предвидением бессмертности народного творения и воплощением его мечты о том, чтобы оценить олонхо по его достоинству. Сам Ойунский в своих произведениях использовал фольклорные сюжеты и образы, средства создания образов и богатый сочный язык эпоса. Вместе с тем он впервые взялся за научную фундаментальную работу по изучению генезиса и поэтики олонхо в своем труде «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание». Он преклонялся перед мудростью

и талантом своего народа, оставившим своим поколениям богатый устный фольклор, создавшим героический эпос и воплотившим в нем систему своего философского мировоззрения, верования.

Исследователи жизни и деятельности П. А. Ойунского давно выявили объективные причины его отхода от государственной деятельности, которые в основном произошли из-за его разочарования в политике власти и ее отношения к национальной интеллигенции. Такие отношения особенно глубоко проявились в печально известных событиях 1927–28 гг., когда были репрессированы лучшие представители якутской интеллигенции. В свою очередь изменения, произошедшие в его жизни, обусловили появление двух этапов в творчестве П. А. Ойунского, в которых отчетливо выявляется эволюция его мировоззрения.

Основное творение Ойунского – драматическая поэма «Красный Шаман» (1917–1925) – является образцом романтического произведения в якутской литературе. Сюжет поэмы основан на фольклорных, мифологических мотивах. Язык поэмы не только сочен, но и выразителен, в нем отражается ритм революционной эпохи: «У Ойунского едва ли не каждое слово имеет весомую, углубленную, как бы «раздвинутую» и смещенную семантику. В поэтическую форму языка фольклора писатель влил новое содержание, новый революционный романтический пафос. И в этом смысле фольклорная форма – образец «возвышенного стиля эпической героизации» – как нельзя лучше подходила к героико-революционному накалу поэзии Ойунского» [4, с. 181]. Автора волнует общечеловеческая проблема – поиск путей к счастью народа. И революционный поэт уверен, что всенародное счастье достигается только через борьбу. Потому он преклоняется перед Силой, способной сокрушить старое и создать новое, и перед Разумом, творящим вечные, непреходящие ценности. Все его образы – символы. Буря, молния – это эпоха волнений, революций, нож – символ борьбы народа, змея, сосущая кровь бедных – символ угнетения, Кутурган Куо (Девушка Скорбь) печалится от того, что народ находится в вечном сне, а главный герой – Красный Шаман видит свою цель в пробуждении народа и т. д. Поэма «Красный Шаман» – это вершинное произведение писателя, в котором его романтизм проявился во всю свою мощь не только в содержательном аспекте, но и на уровне поэтики.

Но самое интересное заключается в том, что борьбу классов и новую власть он видел не как вечное и непреходящее явление, а как средство и условие для созидания будущего полного счастья и развития духовной, культурной жизни народа. Поэтому молодой человек своему другу писал: «Борьба Добра и Зла ... создаст весьма интересный тип творчества, и якутская нация, рожденный в поэзии творческий самородок, выявит себя в истории только своей своеобразной литературой» [5, с. 72]. Далее он ставит задачу развития культуры якутов: «Наша будущность в совершенном развитии этой поэзии и нашего на вид бедного и тяжелого языка, но языка весьма гибкого, образного. Наша история в том, чтобы свою литературу сделать общечеловеческим достоянием» [5, с. 72].

Размышления Ойунского о борьбе Добра и Зла созвучны идее его главного произведения «Красный Шаман», над которым он работал в то время – в 1917–1925 гг.

Проза П. А. Ойунского в плане стиля и метода также стоит особняком в якутской литературе. В своем философском рассказе «Великий Кудангса» (1929) писатель дает ответы на многие волнующие его вопросы. Великий Кудангса в своем величии сопоставим с Красным Шаманом, он также намерен изменить этот срединный мир, вступая в неравную схватку как с природной стихией, так и с общественными явлениями. Но в отличие от него Великий Кудангса погибает, став жертвой собственной борьбы. П. А. Ойунский всегда преклонялся перед великими личностями, изменявшими ход истории. Он всегда приводил в пример слова М. Горького о том, что «чем крупнее человек – тем дерзка его мечта...». Идеалом для него служил В. И. Ленин, которым он

восхищался всю свою жизнь, и первым в якутской литературе создал несокрушимый, вечный образ вождя. Но со временем его концепция о великом человеке-борце начинает претерпевать изменения. Почему погибает Великий Кудангса? С одной стороны, писатель сам объясняет, что деяния великих людей при их жизни никогда не оцениваются должным образом, они остаются непонятыми и отвергнутыми. С другой стороны, в таком финале слышится предостережение автора («сэт-сэмэ») – за все в этом мире воздается.

Эти вопросы наиболее отчетливо освещаются в другом его философском рассказе-притче «Александр Македонский» (1935). Здесь Силу олицетворяет полководец Македонский, а Разум – его учитель, философ Аристотель. Писатель в своих аллегорических героях видит ответственность великого человека перед историей – Македонский, проторивший свой путь в вечность мечом и кровавыми злодеяниями, будет проклятым в веках, а мудрец Аристотель вечно будет жить в сознании благодарных потомков. Царь зовет предсказателей своей судьбы. Первый мудрец с седой бородой до груди говорит всю правду о нем, и ему тут же отрубают голову. А другой мудрец с бородой длиною до земли говорит ту же правду, но в скрытом тексте и остается в живых. Само время написания рассказа настораживает. В 1935 г. были осуждены и расстреляны ленинцы: Каменев, Зиновьев и названный самим Лениным «золотом партии» Бухарин. И видно, что это сильно встревожило, насторожило П. А. Ойунского. И потому в данном случае в образе второго мудреца выступает сам автор. Он осуждает политику Сталина и проводимые им репрессии. И таким образом доносит правду и свое отношение к ней в своем аллегорическом рассказе. Это одно из его последних произведений. Недаром он его читал наизусть на встречах со студентами, как бы оставляя им свои заветы.

Как писатель-философ, Ойунский рассуждал о времени и истории, потому хронотоп его произведений был весьма объемлен и широк. В своих произведениях он охватил всю историю якутского народа, не говоря о мирах и времени его олонхо: «Эпоху рабства-тойонатства отобразил в «Туяаарыме Куо», «Нюргун Боотуре». Патриархальную жизнь показал в своих произведениях «Великий Кудангса», «Красный Шаман». О классовом гнете и колониальном иге царизма написал в «Сон или явь?!», «Указ царя». Из новой жизни социализма написал «Никус Помешанный», «Большевик», «Столетний план», «Выход из тины...» [3, с. 110]. Кроме этого, он сумел предвидеть и будущее время, а в своих философских произведениях писатель был над конкретным временем, открытый вечности. «Великий Кудангса» Ойунского, как и «Красный Шаман» – произведения уровня героического эпоса и планетарного масштаба, в котором ставятся общечеловеческие проблемы бытия и вечности... Философские проблемы Общества и Личности, Рока и назначении Человека, Стихия и Разум...» [6, с. 104]. Также Ойунский в своих произведениях воссоздает эпическое время и древний мир якутов. Писатель героев своих произведений представляет людьми срединного мира, живущими в мифологическом пространстве и времени трех миров. Такой мифологический хронотоп и мифологическую картину мира в своих произведениях П. А. Ойунский создает, чтобы не только раскрыть своеобразие мировоззрения народа, но и с тем, чтобы показать эволюцию его сознания и бытия. Его герои-борцы бунтуют против установившихся порядков, писатель хочет вырвать якутского человека из вечного плена мифологического сознания и вывести его на другой, более развитый уровень развития и вписать в контекст общечеловеческой истории.

Образ Борца становится главным героем многих произведений Ойунского. В некотором роде образы борцов писателя уподобляются мифическим культурным героям, представляя собой начало начал. Красный Шамана благословляет нож, чтоб он стал орудием борьбы народа за счастье. Великий Кудангса, доставший меч, становится родоначальником борьбы за Добро. Никус Сумасшедший превращается в огонь, чтоб

стать началом борьбы против белых. Ойунский считает, что дух борьбы в человеке заселился со времен сотворения мира и развитие общества идет через вечную борьбу.

Ойунский как политический деятель понимал реальное положение дел власти диктатуры и репрессии 30-х годов прошлого столетия. Но он не имел возможности открыто выступить со своими раздумьями о власти, времени и сумел высказаться средствами художественной литературы. Иносказательность становится его орудием. В своей статье «Значение 100-летнего юбилея со дня смерти А. С. Пушкина и наши задачи» (1937) он восхищается произведениями Пушкина и его открытой борьбой против русских императоров: «Пушкин считал «кочующего деспота» трусливым, неспособным на большие дела, проще говоря, считал «арлекином» на троне...» [2, с. 73]. Далее также в 1937 г. он переводит стихотворение А. Пушкина «Кинжал», само его обращение к которому навеивает некоторые размышления. Во-первых, образ-кинжал, как нож, пальма, меч, символизирующий в его произведениях «Красный Шаман», «Великий Кудангса», «Александр Македонский» Силу, на этот раз становится символом вечного проклятия Палача. Этот перевод исследователями признан наихудшим, менее удавшимся из всех переводов Ойунского [7, с. 153]. И это также не зря. Поэт акцентирует внимание читателей на содержание произведения.

1937 год для писателя знаменателен тем, что, с одной стороны, в начале года в республике широкомасштабно чествовали 20-летие его литературного творчества, но с другой стороны – Ойунский сознает, что наступил последний год его жизни на свободе. В январе 1938 г., когда он как избранный депутат от ЯАССР участвовал в работе съезда Советов СССР в Москве, корреспондент газеты «Пионерская правда» берет у него интервью «Шесть вопросов к депутату». Это было его последнее печатное слово и вообще как бы последнее слово писателя. На вопрос корреспондента: «Ваше желание?» (как бы последнее в жизни) он отвечает: «Я хочу увидеться со Сталиным и поговорить с ним» [8, с. 414]. Далее можно только догадываться, о чем хотел он поговорить с руководителем страны. Вариаций много.

Хотя роль П. Ойунского в становлении якутской литературы и его место в литературном процессе определены, до сих пор его личность вызывает споры, а его творчество еще досконально не изучено. В частности, вопросом, имеющим первостепенное значение, является определение его творческого метода и стиля. Чаще его называют писателем социалистического реализма, что совершенно несовместимо с его мировоззрением, его творческими задачами. Здесь, видимо, имеется в виду то, что он был основоположником советской литературы. Советская литература – как сложный литературный процесс понятие объемное, а метод – это его частное проявление. Действительно, П. А. Ойунский – основоположник советской литературы, основавший новую литературу с новыми принципами и с новыми идеалами. А метод его творчества – романтизм. Недаром он учился у таких писателей, как Байрон, Гете, Пушкин, Петефи и Горький. Революционная стихия, идея борьбы в его произведениях и образы борцов, становящиеся на путь изменения мира, интонация повествования основаны одновременно на традициях великих романтиков и родного фольклора. Права Н. В. Покатилова, которая утверждает о его удивительно гармоничной личности: «Цельность личности П. А. Ойунского со всей очевидностью проступает в единстве его литературного и научного творчества, представляющего, на наш взгляд, неразрывное целое определенного типа» [9, с. 99]. Следует добавить, что его государственная и политическая деятельность также не входила в противоречие с его внутренним миром и не представляла собой трагизма его положения. Трагическая судьба писателя проявилась в том, что его жизнь слишком рано и слишком жестоко оборвалась. «Но так случилось, что та же власть, установлению которой он посвятил всю свою жизнь, не смогла защитить его от сурового возмездия этого «безумного аппарата» НКВД, ставшего всесильным в тридцатых годах» [10, с. 71]. В. Н. Протодяконов, соглашаясь с

высказыванием Суорун Омоллоона о том, что «вся его жизнь – до конца не спетая поэма и не полностью раскрытая трагедия», продолжает: «Он не довел до логического конца своих запланированных дел и не успел до конца высказаться, оставшись одиноким богатырем. Но только ли он? Все яркие представители интеллигенции были уничтожены на корню...» [5, с. 4]. Но одинокий богатырь, возможно, и не завершил всего задуманного им, но он оставил богатое и оригинальное художественное наследие и стал великим писателем якутской литературы XX века.

В 1930-х гг. социалистический реализм стал единственным и официально принятым художественным методом советской литературы. П. А. Ойунский не воспринимал его, понимая его истинную сущность, выхолаживающую из литературы ее художественность и национальную самобытность. Но «изучение творчества Ойунского до сих пор не вышло за рамки схем социалистического реализма, его установок и постулатов» [11, с. 38]. Такое положение дел сохраняется до сих пор. Исследователь прав, говоря о том, что «рассуждая о методе Ойунского, необходимо, на мой взгляд, объективно рассматривать все разнообразие разветвлений его творческого пути, отнюдь не замыкаясь на поэтике «социалистического реализма» [12, с. 105–106], имея при этом под понятием насыщенность, многосмысленность как свойство «реализма».

П. А. Ойунский в 1917 г., ворвавшийся в литературу вместе с грохотом революции и окрыленный ее идеями, был писателем романтизма. Не только вселенские идеи его основных произведений, но и вся его поэтика – огненные слова, образы-символы, метаязык, образность, иносказательность, традиции мифа и фольклора – служат выражением его романтизма. На содержательном уровне романтизма на первый план выходит идея произведения и образ Борца-Бунтаря, решающего глобальные проблемы человечества. Пространственно-временной континуум произведений Ойунского также вырастает до планетарного масштаба. Более того, он протестовал против принципов социалистического реализма, понимая его узкие рамки. В годы, когда советские писатели работали над своими произведениями на злобу дня, восхваляя достижения нового строя, Ойунский создал свои уникальные произведения – героический эпос, «Александр Македонский», «Удалец с Лены Николая Дорогунова», «Соломон Мудрый» и др. Это был ответ П. А. Ойунского на появление многочисленных штампованных, безликих, бессодержательных в художественном смысле произведений.

До сих пор его произведения специалистами трактуются по-разному. Трудность в «прочтении» его произведений составляют их иносказательность, подтекст, мифопоэтика, в общем, подход к романтизму Ойунского с позиций реализма. Многие произведения писателя действительно с трудом поддаются интерпретации и исследователями трактуются по-разному. «Эти чрезвычайно сложные по идейной концепции, жанровой структуре, образной системе произведения стали образцом высокой философской мысли, где миф выполняет конституирующую роль» [13, с. 126]. В понимании его произведений во многом помогает автоинтерпретация писателя, в частности, его вступительное слово «Читателю» к произведению «Красный Шаман», статьи – «О переводе «Кысыл Ойун», «Спекулянты от литературы» и др.

Ойунский преклонялся перед талантом М. Горького и был восхищен его докладом на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934). Получив в его докладе подтверждение двум своим главным наболевшим вопросам – по поводу романтизма и фольклоризма, почувствовал некоторую защищенность: «Он говорит о том, что не ограничиваются возможности различных художественных методов... Нам Алексей Максимович разъяснил значение романтизма и указал на то, что нужно изучать устное народное творчество и использовать его средства в литературе...» (3, с. 83-84).

Анализ произведений П. Ойунского приводит к выводу, что он как вечный Борец за справедливость и истину ради счастья родного народа был цельной личностью. Основу цельности личности П. А. Ойунского составляет глубинный пласт его мировоззрения и

национального менталитета. Отношение П. А. Ойунского к фольклору и художественной литературе как художественному мышлению народа заключалось в его признании их огромного значения в культурной жизни народа. Поэтому он до конца своей жизни боролся за сохранение традиций устного творчества.

Ойунский выбрал верный путь, посвящая свою жизнь творчеству, науке. Последней данью родной, любимой литературе были его слова, посланные из-за решетки: «Писатели – это моя святая святых, поэтому их я защищал и выгораживал здесь изо всех своих сил. Пусть пишут, творят и за меня!» [14, с. 200]. Имя П. А. Ойунского было реабилитировано 15 декабря 1956 г. Его произведения и труды вернулись народу. Он предвидел свое бессмертие своими творениями:

И я умру – мой прах исчезнет,
Травой мой холмик порастет.
Но мной оставленные песни
В столетиях сохранит народ.
(1932 г. «Прощай!» Перевод И.Дремова)

Или:

А якутский народ
Мою песню споет,
Среди ясного дня
Вспоминая меня...

(1936 г. «Этот огненный бокал». Перевод О. Шестинского).

П. А. Ойунский верил в созидательную и вечную силу художественного слова и своего творчества. Верил в то, что народ будет помнить его благодаря созданным им произведениям. Ойунский сыграл огромную роль в утверждении самосознания и самоидентификации якутов, посвятив свою многогранную деятельность служению родному народу. Особую роль он придавал произведениям как своему наследию для будущих поколений («Прощай!», «Песнь похорон Ойунского», «Александр Македонский», «Кинжал» и др.). Свое завещание он выразил аллегорическими образами, имеющими метаязыковую функцию. Поэтому в тексте его значимых, вершинных художественных произведений вычитываются коды, расшифровывающие категории мышления и мировосприятия писателя-философа. В таких философских концептах, как человек и общество, время и истина, смерть и вечность писатель выразил свою концепцию о мире и человеке.

Л и т е р а т у р а

1. Основоположник якутской советской литературы. Сборник статей. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1974. – С.76–77.
2. Ойунский П. А. Значение столетнего юбилея со дня смерти А. С. Пушкина и наши задачи // Ойунский П. А. Сочинения. Т.7. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1962. – С.80.
3. Ойунский П. А. Сочинения в семи томах. Т.7. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1962.
4. Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 277 с.
5. Ойунский П. А. «Дорогой Максим, у нас есть будущее, счастливое и мирное...» // Письма П. А. Ойунского М. К. Аммосову. Сост. и автор Протодияконов В. Н. – Якутск: Кемурел, 2013. – 110 с.
6. Протодияконов В. Н. «Красный Шаман» – философская драма в стихах. «Да возгорится пламенем огненным слово наше родное - творческое!!!». Сборник статей. – Якутск: Бичик, 2009. – С.79–120.
7. Покатилова Н. В. Переводы П. А. Ойунского // П. А. Ойунский: взгляд через годы. Сборник научных статей. Новосибирск: Сибирское отделение РАН Научно-издательский центр ОИГТМ, 1995. – С.150–152.

8. Шесть вопросов депутату // Ойунский П. А. Избранные сочинения. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. – С. 419.
9. Pokatilova N. V. Литературное творчество П. А. Ойунского в контексте смены парадигм XX в. // Платон Алексеевич Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель. Сборник научных статей. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – С. 99–102.
10. Тобуроков Н. Н. Кто он, Платон Ойунский? – Якутск: Бичик. 2014. – 118 с.
11. Алексеев Е. Е. Основные итоги и новые тенденции в изучении литературной и общественно-политической деятельности П. А. Ойунского. // П. А. Ойунский: взгляд через годы. Сборник научных статей. – Новосибирск: Сибирское отделение РАН Научно-издательский центр ОИГТМ, 1997. – С. 30–39.
12. Надъярных М. Ф. На границах «эпохи олонхо»: тексты П. А. Ойунского в динамике художественных и идеологических смыслов 1910–1930-х гг. // Платон Алексеевич Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель. Сборник научных статей. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – С. 104–112.
13. Романова Л. Н. Мифологические основы творчества П. А. Ойунского // Платон Алексеевич Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель. Сборник научных статей. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – С. 121–128.
14. Заболоцкий Н. М. Его завещание. В кн.: Заболоцкий Н. М. За полвека. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1984. – С. 200.

References

1. Osnovopolozhnik iakutskoi sovetskoi literatury. Sbornik statei. – Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. – S.76–77.
2. Oiunskii P. A. Znachenie stoletnego iubileia so dnia smerti A. S. Pushkina i nashi zadachi // Oiunskii P. A. Sochineniia. T.7. – Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – S.80.
3. Oiunskii P. A. Sochineniia v semi tomakh. T. 7. – Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.
4. Sleptsov P. A. Iakutskii literaturnyi iazyk. Istoki. Stanovlenie norm. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 277 s.
5. Oiunskii P. A. «Dorogoi Maksim, u nas est' budushchee, schastlivoe i mirnoe...» // Pis'ma P. A. Oiunskogo M.K. Ammosovu. Sost. i avtor Protod'iakonov V. N. – Iakutsk: Kemuel, 2013. – 110 s.
6. Protod'iakonov V. N. «Krasnyi Shaman» – filosofskaia drama v stikhakh. «Da vozgoritsia plamenem ognennym slovo nashe rodnoe – tvorcheskoe!!!». Sbornik statei. – Iakutsk: Bichik, 2009. – С. 79–120.
7. Pokatilova N. V. Perevody P. A. Oiunskogo // P. A. Oiunskii: vzgliad cherez gody. Sbornik nauchnykh statei. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN Nauchno-izdatel'skii tsentr OIGGM, 1995. – S. 150–152.
8. Shest' voprosov deputatu // Oiunskii P. A. Izbrannye sochineniia. – Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. – С. 419.
9. Pokatilova N. V. Literaturnoe tvorchestvo P. A. Oiunskogo v kontekste smeny paradigm KhKh v. // Platon Alekseevich Oiunskii: uchenyi, pisatel', gosudarstvennyi deiatel'. Sbornik nauchnykh statei. – Iakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2015. – S. 99–102.
10. Toburokov N. N. Kto on, Platon Oiunskii? – Iakutsk: Bichik. 2014. – 118 s.
11. Alekseev E. E. Osnovnye itogi i novye tendentsii v izuchenii literaturnoi i obshchestvenno-politicheskoi deiatel'nosti P. A. Oiunskogo. // P. A. Oiunskii: vzgliad cherez gody. Sbornik nauchnykh statei. – Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN Nauchno-izdatel'skii tsentr OIGGM, 1997. – S. 30–39.
12. Nad'iarnykh M. F. Na granitsakh «epokhi olonkho»: teksty P. A. Oiunskogo v dinamike khudozhestvennykh i ideologicheskikh smyslov 1910–1930-kh gg. // Platon Alekseevich Oiunskii: uchenyi, pisatel', gosudarstvennyi deiatel'. Sbornik nauchnykh statei. Iakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2015. – S. 104–112.
13. Romanova L. N. Mifologicheskie osnovy tvorchestva P. A. Oiunskogo // Platon Alekseevich Oiunskii: uchenyi, pisatel', gosudarstvennyi deiatel'. Sbornik nauchnykh statei. – Iakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2015. – S.121–128.
14. Zabolotskii N. M. Ego zaveshchanie. V kn.: Zabolotskii N. M. Za polveka. – Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. – S. 200.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА, ПОЭТИКА –

УДК 821.512.157-1.09

Е. М. Ефремова

Мифологический дискурс в конструировании метатекстовых единств в якутской поэзии

ИГИИПМНС СО РАН, Якутск, Россия

Аннотация. В якутской литературе мифология как первый тип образного отражения действительности находит свое преломление посредством свободных и вольных импровизаций на мифологические сюжеты. Цель статьи сконцентрирована на выявлении отдельных специфических аспектов «внедрения» и адаптации мифологического дискурса в литературный контекст. Материалом исследования послужили поэтические тексты И. Гоголева. Природная особенность поэзии автора, выражающаяся в своеобразном циклообразующем принципе компоновки материала, дает возможность выйти на изучение проблемы устойчивых контекстовых структур в якутской лирике. Стремление к наиболее крупным жанровым формам воспринимается как один из основных характерных признаков особого мифопоэтического мышления автора. Сохранение авторской тенденции к крупным жанровым формам (поэма, циклизация, метатекстовые объединения) актуализирует методологию анализа лирического текста с учетом проблемы метатекстовых единств. Используются сравнительный, системно-типологический и когнитивный методы исследования. В качестве основного результата обосновывается положение о том, что в конструировании устойчивых циклических, метажанровых форм в якутской поэзии основой послужили формально-содержательные параметры и компоненты образности традиционных фольклорных источников. При создании контекстовых жанровых образований И. Гоголев нацеленно опирается на использование определенных моделей фольклорных текстов («Письмена на бивне мамонта», «Песнь о Лене» и др.). Мифологические компоненты в виде архаических образов, архетипов, кодов, концептов как особых категорий, несущих национальную, фольклорную, мифологическую специфику, komponуются, распределяются по всему тексту и наделяются индивидуальным качеством в зависимости от творческой, эстетической рефлексии автора. Перспективы дальнейшего исследования сводятся к более углубленной разработке поэтики метатекстовых единств в якутской поэзии, определению «внутренней» специфики функционирования фольклорных элементов в литературный контекст.

Ключевые слова: авторское сознание, авторское «я», мифологический дискурс, мифопоэтика, метатекст, метажанровая форма, индивидуальный стиль.

ЕФРЕМОВА Екатерина Михайловна – к. филол. н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: Kachkom84@mail.ru

EFREMOVA Ekaterina Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher of the Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small-Numbered Peoples of the North SB RAS.

E. M. Efremova

Mythological discourse in the construction of metatext units in Yakut poetry

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small-Numbered Peoples of the North SB RAS,
Yakutsk, Russia

Abstract. In Yakut literature, mythology, as the first type of figurative reflection of reality, finds its refraction through free and free improvisations on mythological plots. The purpose of the article is focused on identifying certain specific aspects of the "implementation" and adaptation of the mythological discourse in the literary context. Poetic texts by I. Gogolev served as the material for the study. The natural feature of the author's poetry, which is expressed in a kind of cyclo-forming principle of the composition of the material, makes it possible to go out to study the problem of stable contextual structures in Yakut lyric poetry. The striving for the largest genre forms is perceived as one of the main characteristic features of the author's special mythopoetic thinking. The preservation of the author's tendency towards large genre forms – a poem, cyclization, metatextual associations – actualizes the methodology for analyzing the lyric text, taking into account the problem of metatextual unities. Comparative, system-typological and cognitive research methods were used. As the main result, the author substantiates the proposition that in the construction of stable cyclical, meta-genre forms in Yakut poetry, formal-meaningful parameters and components of figurativeness of traditional folklore sources served as the basis. When creating contextual genre formations, I. Gogolev deliberately relies on the use of certain models of folklore texts ("Letters on the mammoth tusk", "Song of Lena", etc.). Mythological components in the form of archaic images, archetypes, codes, concepts as special categories carrying national, folklore, mythological specificity are assembled, distributed throughout the text and endowed with an individual quality depending on the creative, aesthetic reflection of the author. Prospects for further research are reduced to a more in-depth development of the poetics of metatextual unities in Yakut poetry, the definition of the "internal" specifics of the functioning of folklore elements in the literary context.

Keywords: author's consciousness, author's "I", mythological discourse, mythopoetics, metatext, meta-genre form, individual style.

Введение

В истории якутской литературы вторая половина XX в. отмечается как один из активных периодов становления и формирования традиции устойчивых контекстовых форм лирики (книга стихов, итоговая лирическая книга, составное жанровое образование и др.). Это свидетельствует о том, что метажанровое образование как отдельный и характерный тип утвердился в художественной системе данного периода в виде одного из основных постоянных инвариантных структур. При этом фактическое отсутствие четких ориентиров и типологии метажанровых единств в настоящее время приводит к определению книги стихов, сборника, тома собрания стихотворений, итоговой лирической книги, цикла и др. как явлений одного жанрового порядка и статуса. Актуализируется проблема разграничения и дефиниции составных структур в лирике, при котором каждая обозначенная форма имеет свое жанровое содержание,

характерную моделирующую функцию, архитектонику и др. В якутской литературе яркие примеры выраженного проявления метатекстовых образований как оригинальных комбинированных форм наблюдаются в поэзии народного писателя Якутии И. М. Гоголева–Кындыл. При этом в качестве одного из своеобразных архитектурных способов / методов создания циклической, метажанровой структуры определяется фольклорная модификация.

Трансформация формально-содержательных критериев образности традиционных фольклорных источников как самобытных способов создания и конструирования жанровых структур отмечается с самого начала развития письменной литературы начала XX в. В основном видоизменяется идейно-тематический, содержательный аспект текстов. Наиболее универсальное использование мифа как устойчивого фольклорного жанра отмечается в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда происходит активное развитие национальных культур. Использование модифицированного фольклорного материала становится основным стилевым отличием художественной системы автора. Фольклорно-мифологические истоки определяются как концептуальный фактор отражения неординарного, новаторского, индивидуального стиля И. Гоголева.

Результаты

Основу программных произведений автора составляет модифицированный мифологический сюжет («*Уу օбуһун муоһугар суруктар*» – «Письмена на бивне мамонта», «*Өлүөнэ туһунан кэс тойук*» – «Песнь о Лене», «*Аал Луук мас аман өһө*» – «Заветное слово древа Аал Луук» и др.). Анализ поэзии позволяет выявить факт новаторства И. Гоголева как уникального писателя, представившего индивидуальную поэтическую структуру (систему), которая дает возможность балансировать на грани архаического мироощущения и художественного воображения в раскрытии особой мифопоэтической основы творчества. Отметив метажанровой статус базовых произведений автора («Письмена на бивне мамонта», «Песнь о Лене») [1, 2], хотелось бы остановиться на отдельных моментах мотивно-образной структуры.

«Письмена на бивне мамонта» оформлено в виде мифологического повествования истории создания и сотворения мира во времена «начала начал». Акцентное подчеркивание образа Слова во вступлении: *Уу օбуһун муоһугар / Кэс тылларбын кыһан эрэбин* ‘Словно на бивне мамонта, / заветные, как песня, / слова я вырезаю...’ (пер. Вл. Цыбина) восходит к сюжетам библейских текстов и подчеркивает особое метафорическое «зерно», содержащее в концентрированном виде идейный замысел произведения. Формируется особый пространственно-временной срез, совмещающий мифологическое и реально-историческое начало: авторское «я» наделяется способностью передвигаться, перемещаться во временной сфере текста – раскрывается особый метаисторический континуум, сливающий воедино мифологическое и реальное пространство.

Сюжет рождения / появления на свет Человека во Вселенной, от лица которого ведется лирическое повествование в тексте, связано с пантеистическими мотивами поклонения к культу Солнца, что в системе мироздания якутов считается Высшим духом / Божеством: *Мин биһири бигэтик итэбэйэбин* – / *Мин кун օботобун* ‘В одно я верю свято, / что я рожден от солнца’ (пер. Вл. Цыбина). Архетип Солнца относится к одним из динамически развивающихся образов в поэзии автора и как художественный компонент имеет особое функциональное значение при создании архитектурного единства лирической системы («*Мин бэйэм айылҕабын*» («Я сама природа»), «*Тулам кун аайы...*» («Каждый день...»), «*Мин өйдүүбүн Өлөөнү*» («Помню Өлөн»), «*Кун*» («Солнце»), «*Үлэ*» («Работа»), «*Санаабын түһэримэ*» («Не унывай») и др.).

Самобытным религиозно-мифологическим аспектом наделяются образы из якутской мифологии – дух огня (*Хатан Тэмиэрийэ*), хозяин тайги (*Байанай*), Олонхо (якутский героический эпос), Священное дерево (*Аал Луук мас*) и т. д. В поэтизировании темы

сотворения мира последовательно выводятся такие понятия, как *төрүт буор* ‘родная земля’, *алаас* ‘поляна’, *тиэргэн* ‘двор / усадьба’, *алаһа дьуэ* ‘родной дом / очаг’, *сэргэ**, ‘коновязь’, *чороон**, ‘чорон’, наделенные архетипическим, ментальным значением. Последовательное поэтизирование мифологического ракурса систематизирует образы по содержательной значимости в общем контексте произведения.

Отдельное «письмо» посвящено раскрытию образа духа огня (*уот иччитэ** как глубинного культурно значимого концепта якутской мифологии. Раскрытие персонифицированного образа духа огня национально обусловлено и опирается на эстетику фольклора. Образные установки *Итинник уөрүннээн, уйаһас майгытын иһин / Кинини бары айыылардааһар ордорорум* ‘за радующийся, добрый нрав предпочитаю его больше, чем других духов’ придают определению особую модальность – для предков якутов *көмүлүөк** ‘камелек’ был не только единственным источником тепла и света, но и центром духовной жизни. Образные сопоставления в виде неординарных метафорических сравнений и олицетворений: *Иэйэн, күөх төлөн бытыгын / Имэринэ-имэринэ остуоруйалыыра, / Кыһыл көмүс кымынан силли-силли / Көмүлүөк сып сылаас буоругар / Сыһаах баттанан олон, олонхолуура // Түүн үөһэ ааһыта Хатан Тэбиэрийэ / Миигин кытта утуктаһан дьааһыйара, / Хара көмөр тэллэбин көбүтүнэрэ, / Сылаас күл суорһанын саптара, / Алтан чаанньык тумса буолан / Муннун тыаһа сыгыныыра...* ‘А вечером, когда котлы дымились, / дух огненный грыз желтые поленья, / похрустывал, словно лосиной костью, – / тогда он светел был и говорлив <...> / Я помню, как сидел он, подперевшись / рукой, на подшестке у камелька / и с бороды – из желтого пыланья – / отряхивал он искры золотые / и вспомнил старинные преданья...’ (пер. Вл. Сиротина) подчеркивают самобытность выражаемых лирических эмоций в раскрытии образа огня.

Интересная вариация раскрытия традиционного фольклорного образа хозяина тайги (*Баянай*) наблюдается в тексте, пронумерованном как ‘седьмое письмо’. Идеинотематический аспект стихотворения актуализирует проблему осмысления глубинной связи человеческого сознания с природной реальностью. Образ Баяная – покровителя тайги – имеет особое положение в истории якутской мифологии. В художественной литературе встречаются разнообразные вариации интерпретации, где мифологический образ приобретает выраженные человеческие черты: *Саха Айыта дуоспурун, / Сырдык, нүһэр санаалаах. / Арай Баянай дьоннуну, / Атын айы майгылаах* ‘Божество у якутов, / Светлое, почтенное. / А Баянай подобен человеку, / Другой нрав у него*’ (Сем. Данилов «Баянай»). В основном используются прилагательные *уөрүннээн* ‘радующийся’, *киһиргэс* ‘хвастливый’, *өһүргэс* ‘обидчивый’, подчеркивающие отличительные черты характера интерпретируемого объекта. В отличие от общего литературного контекста, в поэзии И. Гоголева подчеркивается история первотворения мифологического образа хозяина тайги. Акцент делается на автохтонные истоки формирования первообраза как специфичного сверхконцепта истории: *Кинини Баай Баянай диэн ааттаабытым ...* ‘И назвал я его Байанаем...’; *Аал уотум иччитин амарахтык, истинник / Хатан Тэбиэрийэ диэн ааттаабытым ...* ‘Его Хатан Темерией назвал / прозрачным этим именем и чистым’ (пер. Вл. Сиротина).

*Сэргэ – священная коновязь, символ гостеприимства у якутов.

*Чороон – деревянный сосуд для хранения и употребления кумыса.

*Хатан Тэмиэрийэ – Дух-хозяин огня (уот иччитэ) возводится до степени божества и почитается в религии больше богов. Для него создан целый особенный культ. По якутским верованиям, огонь обладает сверхъестественной силой изгонять злых духов.

*Көмүлүөк – якутская печь, очаг для обогрева жилища.

*Здесь и далее без указания имени переводчика смысловые подстрочные переводы сделаны нами – Е.Е.

И. Гоголев на основе древних мифологических сюжетов, обычаев, культуры и истории родного народа создает яркие образцы поэтических произведений, где фольклорные реалии гармонично сочетаются с глубокой художественной мыслью. Раскрывается оригинальная система поэтических универсалий, концептов, архетипов, которые на общем фоне художественных образов выделяются особым национальным колоритом. Лирика писателя отличается обилием этноспецифичных концептов, основанных на самобытных проявлениях народного мировидения и национального характера (Олонхо 'олонхо', Аал Луук Мас 'священное дерево', Чочур Мыраан 'великая гора', Ытык Хайа 'священная гора', Ытык Сир, 'священное место', Улуу өрүс 'великая река', Күн 'солнце', Ийэ буор 'родная земля', Ийэ тыл 'родное слово', Сэргэ 'коновязь', Кымыс 'кумыс'(национальный напиток), Хомус (якутский музыкальный инструмент), Дүгүр (бубен шамана) и др.). Воссозданные образы с архетипическим значением обладают уникальным смыслом, заложенным творческой ментальностью автора, и воспринимаются как базовые культурные концепты / коды, наделенные природным свойством универсальности при восприятии и осмыслении окружающей действительности. Относительно жанрового статуса текста И. Гоголев использует эксплицитно-текстовую форму «монтажки» материала, когда лирический текст конструируется на основе самостоятельных жанров лирического стихотворения, цикла, поэмы и др., что позволяет сделать вывод о синтезе циклической и поэмы структуры в пределах локального текста [2]. Утверждается концептуальная основа произведения с динамическим развитием инвариантной сюжетной линии, содержательный аспект которого базируется на традиционных фольклорных, мифологических, этнографических источниках. Именно комбинированная жанровая форма (цикл-поэма) позволила автору охватить объемное содержание, выдвинуть проблему глобального, исторического значения. В данном аспекте жанровый статус произведения требует уточнения – можно предположить, что «Письмена на бивне мамонта» претендует на принадлежность к определенным видам макроструктур.

Оригинальной жанровой формой отличается произведение «Песнь о Лене», анализ которого подробно представлен в якутском литературоведении [1, 4, 5]. При этом важно понимать, несмотря на тяготение и стремление к всеобщности, архетип как глубинный архаичный концепт культуры и как литературная категория, входит в сферу концептов как выразителей национальных ценностей. При становлении характерных циклических форм И. Гоголев основывается на формальных и содержательных элементах фольклорных источников. Поэтические тексты представлены как «авторский миф», при котором лирический субъект представлен как первотворец. «Песнь о Лене» – это специфичная разновидность книги стихов, которая представлена в виде монтажной полициклической формы.

Заключение

И. Гоголев реконструирует мифопоэтический пласт в литературный текст, удачно определив идейно-смысловую нагрузку архетипических составляющих. Образы-архетипы имеют особое значение в формировании образно-мотивной семантики текстов, отличаются сюжетообразующей, композиционной, смыслопорождающей функцией. Фольклорные мотивы и образы, сохраняя свое исходное, традиционное значение, претерпевают изменение в плане сюжетообразующего аспекта произведения, что в наиболее поздней лирике отчетливо отражается в контекстовых формах жанровой структуры.

Функционируя в динамической системе авторского стиля, образы развиваются и воспринимаются как характерные базовые модусы, символы и коды с особым ментальным значением. В результате поэтизации самобытных формул литературной образности реализуется общая композиционная цельность поэтического творчества И. Гоголева, проявленная на уровне усложненной лексической, метафорической

структуры. Наблюдается осознанная авторская установка на своеобразный эксперимент «перенимания» моделей и компонентов фольклорных текстов в художественный контекст. Фольклорный материал адаптируется в литературный контекст посредством трансформативных процессов жанровой системы, генерализации в виде перенимания готовых моделей (песни, благословения, легенды, мифы) фольклорных текстов и др.

Одним из основополагающих отличий индивидуально-авторского стиля поэзии И. Гоголева является идея жанрового синтеза, что выражается в способности поэтического сознания к «переходу» от поэзных структур к гибридным метажанровым формам. Взаимодействие жанровых начал цикла и поэмы создает разные смысловые оттенки в динамике текстов, что основано на развитии единой мысли и полижанрового мышления поэта. Данный аспект интуитивно улавливается в ранней лирике, но особенно четко проявляется в поэзии последних лет. В результате анализа значимые поэтические тексты И. Гоголева охарактеризованы как уникальные модели метажанровых структур (гибридные циклические образования, монтажная полициклическая форма и др.). Монтажная форма построения текстов свидетельствует о том, что автор сознательно стремился к составлению наиболее крупных произведений. Отмечается нацеленная авторская установка на создание целостного гиперциклического контекста – смыслового единства, сконцентрированного вокруг идеи мифопоэтического мировоззрения.

Л и т е р а т у р а

1. Дьячковская М. Н. Избранные работы: вопросы якутского стихосложения. – Якутск: ИГИиПИМНС СО РАН, 2015. – 262 с.
2. Ефремова Е. М. Гибридные жанровые формы в якутской поэзии второй половины XX в.: специфика и особенности конструирования (на материале поэзии И.М. Гоголева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №8. – С. 38–40.
3. Ефремова Е. М. «Письмена на бивне мамонта» И. Гоголева как субъектно-архитектоническая целостность // Казанская наука. – 2019. – № 5. – С. 15–18.
4. Максимова П. В. Якутская поэма: история и типология жанра. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 150 с.
5. Максимова П. В. Жанровая типология якутской поэзии: Вопросы эволюции и классификации форм. – Новосибирск: Наука, 2002. – 255 с.

R e f e r e n c e s

1. D'yachkovskaya M. N. Izbrannye raboty: voprosy yakutskogo stikhoslozheniya. – Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2015. – 262 s.
2. Efremova E. M. Gibridnye zhanrovye formy v yakutskoy poezii vtoroy poloviny KhKh v.: spetsifika i osobennosti konstruirovaniya (na materiale poezii I. M. Gogleva) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2020. – N8. – S. 38–40.
3. Efremova E. M. «Pis'mena na bivne mamonta» I. Gogleva kak sub"ektno-arkhitektonicheskaya tselostnost' // Kazanskaya nauka. – 2019. – N 5. – S. 15–18.
4. Maksimova P. V. Yakutskaya poema: istoriya i tipologiya zhanra. – Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1993. – 150 s.
5. Maksimova P. V. Zhanrovaya tipologiya yakutskoy poezii: Voprosy evolyutsii i klassifikatsii form. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 255 s.



УДК 821.512.157-3Кулаковский.09

П. В. Сивцева-Максимова, Н. И. Ильина

Фольклорные истоки как моделирующие категории в художественных текстах А. Е. Кулаковского

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье представляются материалы из художественного и фольклористического наследия А. Е. Кулаковского (1877–1926). Актуальность темы обосновывается тем, что история его поэтических текстов, уточнение объема и характера систематизации собранных им материалов по якутской мифологии относятся к малоизученным направлениям его наследия. Цель работы – определить отдельные особенности жанровых форм его поэзии; представить значение и ценность его работ по сбору старинных легенд и преданий исторического характера. В работе сравнительно-сопоставительный анализ текстов проводится в аспекте методологических положений источниковедения и текстологии как междисциплинарных и теоретических направлений в литературоведении. Новизна исследования заключается в представлении малоизученных вопросов в художественном наследии Кулаковского в ракурсах выявления авторской позиции, а также обзор его работ по сбору и систематизации материалов по якутским легендам и преданиям старины историко-этнографического характера в записях на русском языке. В ракурсах этих положений представляется систематизация обоснованных текстологических фактов по конкретным текстам Кулаковского.

Ключевые слова: фольклор и художественная литература, модели текстов, авторская воля, легенды и предания, собранные Кулаковским.

Исследование проведено в рамках научно-исследовательского гранта РФФИ, проект № 19-012-00467 А «Источниковедческие аспекты изучения роли христианской культуры в становлении якутской письменности и литературы».

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. н., профессор, главный научный сотрудник Института А.Е. Кулаковского СВФУ им. М.К.Аммосова.

E-mail: smpv50@mail.ru

SIVTSEVA Praskovia Vasilievna – Principal Researcher of the A. E. Kulakovsky Institute, Doctor of Philological Sciences, Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Sakha Republic.

ИЛЬИНА Ньургуйаана Ивановна – магистрант Института языков и культур народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: nurguu070787@mail.ru

ILYINA Nurguiaana Ivanovna – Master's student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

P. V. Sivtceva-Maksimova, N. I. Ilyina

Folklore origins as modeling categories in A. E. Kulakovsky's literary texts

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The article presents materials from the artistic and folklore heritage of A. E. Kulakovsky (1877–1926). The relevance of the topic is justified by the fact that the history of his poetic texts, clarification of the scope and nature of systematization of the materials collected by him on the Yakut mythology belong to the understudied areas of his heritage. The aim of the work is to identify some features of genre forms of his poetry as well as to present the significance and value of his works on the collection of ancient legends and tales. The method of comparative analysis of the text is conducted in the aspects of the methodological provisions of source and textology as interdisciplinary and theoretical directions in literary studies. The novelty of the study lies in the presentation of understudied issues in the artistic heritage of Kulakovsky in the foreshortening of the author's identification, as well as a review of his work on the collection and systematization of materials on Yakut legends and ancient historical and ethnographic tales recorded in Russian. In the foreshortenings of these provisions, a systematization of substantiated textual facts on specific texts by Kulakovsky is presented.

Keywords: folklore in literary text, text models, author's will, legends and tales collected by Kulakovsky.

RFBR grant, project No. 19-012-00467A Source study aspects of studying the role of Christian culture in the formation of Yakut writing and literature."

Введение

Творчество и научные труды А. Е. Кулаковского представляют одну из ярких самобытных страниц в истории литератур народов России. Крупнейшим филологом, этнографом и этнолингвистом первой четверти XX века называет его П. А. Слепцов и подчеркивает, что «фольклорная основа придавала» его художественному творчеству «самобытность и глубокую народность» [1, с. 26]. В соответствии с этим положением актуальным представляется систематизация обоснованных текстологических фактов по конкретным текстам Кулаковского. Цель исследования – определить национальные истоки художественного слова классика в формах моделирующей категории литературного произведения на языке саха. В работе сравнительно-сопоставительный анализ текстов проводится в аспекте методологических положений источниковедения и текстологии как междисциплинарных и теоретических направлений в литературоведении. Новизна исследования заключается в представлении малоизученных вопросов о художественном наследии Кулаковского в ракурсе выявления авторской воли на материалах основных текстов и последующих изданий его произведений в середине XX века.

По теме исследования нами избраны стихотворения «Танец по-вилуйски» (1905), «Скороговорка» (1912), «Благословение по-старинному» (1916), «Старинная якутская клятва» (1921), в названиях которых находим прямое авторское указание на фольклорные формы по сравнению с такими произведениями, как «Дары реки», «Хомус», «Певец» и др. Можем сказать, что в названиях поэм «Сон шамана», «Песня столетней старухи», стихотворения «Благословение среднего поколения» указываются жанровый код или особенность проблематики произведений. Также в работе представляется обзор работ А. Е. Кулаковского по сбору и систематизации материалов по якутским легендам и преданиям историко-этнографического характера в записях на русском языке.

Обзор литературы

Относительно времени творчества Кулаковского в современных исследованиях находим определение значимости данного периода как времени «культурно-антропологической критики в моделировании художественных процессов», осознания «мироустроительного смысла культуры», что связывается с начальными десятилетиями XX века. В статье М. Ф. Надъярных уточняется, что этот «период занимает особое, выделенное место и во внутренней динамике множества литератур народов России» [2, с. 136].

Методологической базой представленного исследования выступают теоретические принципы текстологии как междисциплинарной отрасли филологии. Практические аспекты текстологии связываются с вопросами подготовки научных изданий и редакторской деятельности в целом. Литературоведческие направления текстологии включают в себя проблемы, связанные с вопросами по «изучению истории памятника на всех этапах его существования», и тем самым дают возможность представить отдельные значительные для исследователя факты о творческом наследии писателя: «о закономерностях художественного мышления автора, о его индивидуальности и творческой воле» [3, с. 5]. С данной точки зрения, изучение текстов Кулаковского как предмет исследования в «историческом контексте» прежде всего основывается на одном из положений его обращения к своим современникам, что «интеллигенция должна взять на себя миссию создания якутской литературы» [4, с. 87], а также на его стремлении сохранить и своим творчеством доказать аллитерационную поэзию как «усовершенствованную» на языке саха древнюю форму стихосложения, где созвучия в стихе «простираются не на две-три строчки, а на 10-20 строк» [5, с. 452]. По отношению к текстам Кулаковского в этом плане звуковая организация и ритмика изначально связываются с авторской интенцией в границах идеи поэтических произведений. В этом плане отмечаем показателями «фонетической доминанты концепта авторского сознания» такие художественные средства, как парные описания, архаические тавтологии отдельных слов или их частей, а также «звукоизобразительность, аллитерацию, ассонансы...» [6, с. 43].

В художественном наследии Кулаковского раскрывается, таким образом, основа якутской литературы как уникальный образец национальной словесности, где «состоялся переход от фольклорного мироощущения к авторскому миропониманию» [7, с. 162]. Восприятие его значительных произведений, как обосновывается в теоретических положениях К. К. Султанова, связывается с «пониманием их одновременной принадлежности к сфере этнокультурной непохожести и “зоне действия” художественной аксиологии» [7, с. 163].

В соотношении с целью, поставленной в статье, нами учитываются также междисциплинарные ракурсы текстологии, где «выбор зависит от конкретной задачи, которую ставит перед собой исследователь... Текстология интенциональна в том, что фокусируется на конкретном аспекте текста» [8, с. 568]. С этих исследовательских позиций в сравнительных анализах текстов Кулаковского в круг наших интересов входит стремление определить особенности пунктуации с целью уточнения в отдельных случаях роли и места автора в названных выше произведениях. Условно систематизированные разночтения этих деталей производятся на материалах прижизненных изданий, которые восстановлены в первом томе академического издания (далее – АИ) его поэтических текстов [9]. В этом плане авторские первоисточники исключают вопросы атрибуции сомнительных вариантов. Они выступают доказательной базой взаимосвязи деталей текстов, на основе которых выявляются, на наш взгляд, существенные стороны творческой воли автора.

Таким образом, приводимые нами примеры редакторского вмешательства в тексты Кулаковского в изданиях XX в. связываются с особенностями литературной эпохи, а также с целью освещения своеобразия поэтической культуры или особых поэтических

приемов на примерах творчества национального классика. При этом «процедура специального рассмотрения литературных произведений» Кулаковского основывается «на стратегии профессионального чтения» [10, с. 50, 55] как выявление выбора автором характерной формы стихотворения, соответствующей не столько его творческому стилю, сколько специально избранной моделирующей категории его конкретных художественных текстов для раскрытия сложных социальных проблем начала XX века.

Анализ произведений Кулаковского

В итоге сравнительной оценки художественных текстов Кулаковского приходим к следующим выводам. Стихотворение «Танец по-вилуйски» («Вилуйский танец») был опубликован во всех изданиях избранных произведений Кулаковского. Рукописные списки текста имеют два варианта: в тетради З. В. Луковцева и Н. Л. Неустроева, где отмечаются разночтения в формах несовпадения отдельных описаний, но в целом авторский текст значительно не изменяется. В списках пропущены строки 6–20 основного текста (далее – ОТ), где образно описывается ожидание лета, времени хороводных танцев, начиная с ноября. Комментарии даны во II томе АИ [11, с. 461–463]. В публикациях в середине XX в. в 27 случаях внесены редакторские корректировки «пропущенных автором» запятых и замены авторских дефисов и запятых редакторскими знаками препинания «точка с запятой» и «двоеточие». Следует уточнить, что авторские точка, многоточие и восклицательный знак в основном тексте выполняют функции конкретизации строф. Редкие запятые ставятся в конце строфем. Ритм обозначен в первую очередь графической сегментацией текста, что можно определить доминирующей концепцией перформативного высказывания по отношению к тексту стихотворения. Автор придерживается универсальной метрики стихового ряда, подчиняющегося живому ритму танца конкретной местности Якутии, в этом случае значительно название стихотворения – «Танец по-вилуйски» – с указанием места создания произведения.

Американский исследователь Джонатан Каллер, основываясь на идее английского философа Джона Л. Остина, определяет перформатив как «высказывание, которое является не только описанием действия, но самим этим действием, изменяющим статус говорящего и систему социальных связей, в которые он включен. Любая клятва, проклятие, благословение представляют собой перформативы» [12, с. 107].

Названное стихотворение Кулаковского в этом ракурсе представляет «текст для исполнения», где запевала танца выступает в определенной степени автономным субъектом по отношению к исполняемому «чужому» тексту. В этом отношении Кулаковский в выборе знаков препинания и их частотности по всему тексту изначально ориентируется на духовно и социально обозначенный статус запевалы.

Списков, вариантов небольшого стихотворения «Скороговорка» нет. К ОТ дается авторское примечание о своеобразии якутской скороговорки как фольклорной формы и подчеркиваются следующие ее особенности: «вид народного творчества, любимый молодежью», «рифмы не имеет, заметна некоторая аллитерация», «не поется», текст кажется «совершенно бессмысленным», но имеет «скрытый, иносказательный смысл». Завершающие примечание два предложения цитируем: «В нем каждая строчка состоит из 4-х слогов. При чтении каждую строчку надо разбить на два слога в каждой, – и быстро читать, делая ударения на первых слева слогах» [9, с. 246]. Стихотворение состоит из двух предложений: первое – со знаком препинания «точка», что соблюдается составителями избранных произведений поэта; второе – со знаком препинания «многоточие». В ОТ других знаков нет. В изданиях запятые ставятся более 20 раз на основе правил нормативной грамматики, что не соответствует воле автора, стремящегося передать ритм скороговорки как разновидности акцентного стиха.

Данное произведение типологически близко к такому виду лирических произведений, как «филологическая поэзия» или «университетская поэзия», что отмечается в

исследованиях англо-американских авторов и в работах российских ученых В. Новикова и С. Чупринина [13, с. 605–607]. Однако стихотворение Кулаковского не полностью соответствует данному типу. В тексте якутского поэта отмечаем такую характерность, как духовная близость автора и читателя, что можем типологически сопоставить с «хорошо понимающими друг друга филологами-авгурами». Мы имеем в виду иносказательный смысл игры слов и в целом своеобразной поэтики речитативов как формы якутского фольклора. Идея произведения Кулаковского, датированного 1912 годом (год завершения работы над «Якутской интеллигенции»), в социальном значении весьма серьезна: в комментариях А. А. Бурцева отмечается, что в стихотворении «Чабырбах» («Скороговорка») «косвенно отразились мучительные размышления поэта о судьбе родного народа» [9, с. 503]. Но автор предпочитает ее раскрывать в завуалированной игре ритмов и не исключает «виртуозный артистизм и речевую естественность», не всегда имеющих место и значение в так называемых филологических стихах.

Списки произведений под названиями «Алгыс», близких по форме «Благопожеланию по-старинному» («Былыргылы алгыс»), приводятся во втором томе АИ [11, с. 100–103; 215–217]. Первый из них, авторский автограф в тетради З.В. Луковцева, представляет вариант другого стихотворения Кулаковского «Благословение среднего поколения», созданного в форме обращения поэта молодому поколению [9, с. 241–244]. Второй список представляет благословение, адресованное конкретным личностям, в комментариях отмечается как вариант, подтверждающий «устный характер бытования» этой формы фольклора [11, с. 652–653].

Стихотворение Кулаковского «Благопожелание по-старинному» по особенностям авторской пунктуации представляет интересный объект исследования. В ОТ автор ставит запятые 7 раз, точки – 23 раза, тире – один раз. Это способствует спокойному, размеренному исполнению благопожелания (алгыса), где знаки препинания обозначают конец строфем и строф, а также противопоставление (1 раз). Интервал «точек» в тексте в основном 3–6 строк. Нами отмечено восемь больших строф с интервалом 7–8 и 10 строк. В последующих изданиях избранных произведений поэта поставлено запятых 40 раз, восклицательных знаков – 4 раза. Из них в строках 77 и 83 восклицательный знак по функциональному смыслу не соответствует логике выражения и ритмическому характеру стихов:

... Уйгулаах унаар түптэни
ууһатын.

.....

Саастааххытын ньаныйаарын
Кыргыһылааххытын кыайаарын. [9, с. 296]
... Пусть дымокур непрестанно дымится.

...

Противника побеждайте,
Недруга одолевайте. (перевод В. Солоухина) [14, с. 156]

В изданиях 1946, 1957, 1978 годов:

... Уйгулаах унаар түптэни ууһатын!

.....

Саастааххытын ньаныйаарын,
Кыргыһылааххытын кыайаарын! [15, с. 195; 16, с. 185; 17, с. 190]

Восклицательные знаки и запятые в приведенных примерах отредактированных текстов «нарушают» естественную благожелательность смысла каждого слова и всего содержания ритуального обращения. В первой строфе примера «восклицания» не должно быть, потому что нет у автора и других знаков препинания: здесь каждая стихострока, несущая самостоятельную гармонию звуков в аналогичных синтаксических формах-единицах, без повышения тона усиливает смысл сказанного образного слова. Во

второй строфе – то же самое, при этом отсутствие повышения тона автор подчеркивает формой глаголов несовершенного вида, что наделяется здесь дополнительным смыслом «возможного в будущем»: «өлөрөөрүг», «һыаныйаарыг», «кыйаарыг».

В строках 120 и 128 восклицание по этим параметрам современного восприятия текста подходит. Однако в данном стихотворении Кулаковский в форме фольклорной поэзии создает «свое благословение», где полностью придерживается поэтики обрядовых высказываний, представляющих не публицистическое выступление, а самоуглубленное созерцание окружающего мира и своего времени. В этом плане, какие бы ни сильные экспрессивные действия или просьба заключались в благопожелании, алгыс представляет собой не громкое обращение к окружающим, а самоуглубленную, сосредоточенную форму словесности медитативного характера. В этом дискурсивном ракурсе сдержанность автора по отношению к знакам препинания вполне правомерно, а редакторские предпочтения сугубо грамматических норм не выдерживают критики по отношению к «антисинтаксическим» приемам, вполне уместным в стихотворении как любые поэтические фигуры.

По-своему интересен ОТ стихотворения «Старинная якутская клятва», которое сопровождается авторским примечанием о дохристианском ритуальном характере приношения клятвы. В основном тексте автор ставит восклицательный знак только 1 раз в конце текста, что подтверждает монотонность исполнения ритуального слова, которое завершается «кульминационным» тяжелым выводом по отношению не только к самому приносящему клятву, но и всему его роду. В знаках препинания в последующих изданиях наблюдаются незначительные разночтения. В ОТ в строках 17, 37, 95 авторская пунктуация «запятая», «точка», «запятая» в изданиях заменяется двоеточием или точкой с запятой, многоточием, точкой с запятой соответственно.

В целом сам ритуал, относящийся только к мужчинам, что подтверждается обращениями к духам охоты и главному покровителю удачливых промыслов Баай Барыылааху, представляет его крайнюю необходимость по стечению каких-либо вынужденных обстоятельств, потому происходит не публично, чаще всего при одном или двух свидетелях. В этом плане в данном стихотворении форма является первоначалом, а содержание становится «результатом». Об аналогичных явлениях в поэзии писал в середине XIX в. Эдгар По в анализах собственных произведений. А в середине XX в. Гуго Фридрих, исследователь европейской лирики, сделал следующее заключение: «Поэтический процесс пробуждается возникающим по содержанию языка настойчивым «тоном», смутной настроенностью. Чтобы выявить и определить эту настроенность, автор ищет в языке звуковой материал, наиболее соответствующий тону. ... Поэзия возникает из языкового импульса, который, повинаясь довербальному «тону», указывает приблизительную ситуацию смысла» [18, с. 61–62]. В свете этого теоретического вывода художественная специфика формы и содержания стихотворения Кулаковского выступает примером самобытного типа лирического произведения, связанного с традициями культурологического характера.

Текст этого стихотворения, записанный самим автором, находится в тетради З. В. Луковцева [11, с. 96–99]. Расхождения с ОТ незначительные: пропуски отдельных слов, перестановки строк. В тетради автограф датируется. На этой основе Л. Р. Кулаковская по вопросу истории создания данного текста пишет: «В произведении не указаны причины приношения клятвы. Стихотворение написано в 1921 г., перед самым с началом Гражданской войны в Якутии. ... Потому можно предположить наличие в нем конкретного адресата в лице отступившихся от своей клятвы верности служения народному благу ... развязавшим кровавый террор против собственного народа» [11, с. 399].

Работа Кулаковского по сбору легенд и преданий

Кулаковский был одним из первых, кто обратил внимание на необходимость исследования духовной культуры якутов. Помимо пословиц и поговорок, исследователь собирал на протяжении всей жизни в том числе и мифы.

Мифы, по сравнению с другими жанрами якутского фольклора, являются более сложными для анализа и систематизации формами народного творчества. Проблемы изучения мифов ставились в работах фольклористов известных ученых Якутии Г. М. Васильева и Н. В. Емельянова, которые учитывали и обращались к материалам А. Е. Кулаковского, П. А. Ойунского.

Автор первой специальной монографии о якутском фольклоре в целом Г. У. Эргис делает в этой работе следующее интересное заключение: «...мифология не выделялась как особый вид, а освещалась лишь попутно при изучении религиозных верований якутов. Мифы в виде самостоятельных произведений почти не существуют, но мифические сюжеты и образы сохраняются в эпосе олонхо, в сказках, легендах и других фольклорных жанрах» [19, с. 107].

Кулаковским собран и в определенной степени систематизирован обширный материал по якутским историческим преданиям. Он записал большой цикл преданий о Василии Манчары. Также в его наследии выделяются записи о Тыгыне и его сыне Тас Уллунах, первопредках амгинцев-таттинцев Модюкане и Тисикане, Батас Мендюкане и Боруку Омоллоне, Керекене и Модугу Теренеке, о широко известной в Сунтаре Суосалдьыйа Толбоннох, знаменитом в Мегинцах Бахсы Тойоне, прославленных воинах-хосунах северного улуса Булунньане, Юнкябиле, Саппа. Большая часть из них переведена Кулаковским на русский язык и включена в состав его «Научных трудов» [5, с. 257–330]. Таким образом, опубликованными текстами являются 22 сюжета. Тексты, записанные на якутском языке непосредственно со слов носителей фольклора, Кулаковский сопровождает научными паспортами, отвечающими современным требованиям фольклористики. Он указывает точные сведения, от кого, где и когда записано то или иное предание. От себя добавляет к оригинальным древним текстам словники, где даются пояснения, толкования, в отдельных случаях дополнительные значения архаических слов и выражений, топонимов, географических названий, имен мифологических личностей и персонажей. В 2007 г. вышел сборник «Легенды, былины», составленный Л. Р. Кулаковской, где легенды и предания, собранные А. Е. Кулаковским в период 1890–1924 гг. впервые были напечатаны на якутском языке. Также в сборник вошли работы, переведенные автором на русский язык [20].

Кулаковский собирал фольклорные материалы по всей необъятной территории Якутии, считал их сокровищницей якутской словесности и связывал проблемы создания якутского литературного языка с их уникальными текстами. Мы располагаем ограниченным материалом, свидетельствующим о его работе над мифологией. В этом плане интересен «Сеймчанский дневник» А. Е. Кулаковского, где описывается его жизнь Сеймчане в 1923–1924 г. и содержится информация о записях легенд [23]. Находясь в Сеймчане, Кулаковский занимался научной и творческой работой. В итоге в течение сравнительно небольшого времени – с осени 1923 года до весны (апреля) 1924 года – он достиг в этом направлении больших результатов. Составил словарь русских слов, перенятых якутами и используемых ими в своих повседневных общениях между собой, занимался обработкой текстов якутских легенд и былин, продолжал работу по вопросам якутской транскрипции, подготовил к изданию сборники своих стихотворений и поэм.

К примеру, в дневнике поэта от 23 ноября 1923 г. есть запись: «Сегодня пишу легенду «Илгизлэ и Иниэрчэ», начатую вечером. Легенду написал до половины, как-то не пишется» [24, с. 22]; в записи от 25 ноября читаем: «Окончил легенду. Приступил к легенде «Дыгын». Но нелепость, гиперболичность и недостаток сведений о Дыгыне отбивают всякую охоту писать о нем. Лишь слишком большая популярность его имени заставляет взяться за

перо. Написал 2 странички» [24, с. 24]; от 29 ноября есть запись: «Вчера писал о Дыгыне, но не кончил. С 9-и до 10-ти писал о Дыгыне. О нем закончил. Осталось рассказать о «Таас Уллунахе» [24, с. 26]. Мы находим всего 12 записей, относящихся к легендам, которые свидетельствуют о скрупулезной работе исследователя. Таким образом, можем предположить, что из изданных 22 мифов 10, то есть почти половина собранных легенд были написаны им в сеймчанский период.

В ракурсе темы представленного исследования обращаемся к легендам о Манчаары, что составляет самостоятельный раздел в научных трудах А. Е. Кулаковского и располагается до «Якутских легенд и преданий» [5, с. 214–256]. Этот раздел является корпусом текстов о легендарном народном герое, названным автором по имени исторической личности «Манчаары». Во вступительной части и в двух начальных главах представлена социально-историческая картина жизни Якутии в середине XIX в. Цикл отличается от легенд, относящихся по содержанию к более раннему периоду, большей реалистичностью. Приводятся действительные факты и сведения о сборах налогов (ясака) пушшиной определенной расценки, размерах оплаты отдельных видов работ и услуги. Упоминаются специально огромные расстояния в Якутии и трудные дороги, например, особенности пути до Охотска и Аяна, описание Иркутского тракта; дается краткое описание каторжных работ в Охотске. Но основное содержание представляет общий обзор жизни и нелегкой судьбы Манчаары (1805/1806–1870). Далее в сюжетах из жизни народного героя якутов Кулаковский раскрывает образ Манчаары в описаниях его действий и истории любви. В монологах и разговорах главного персонажа подтверждается его христианская вера. В целом этот цикл, состоящий из 12 глав, отличается художественностью описания действий многих персонажей, размышлений и речи главного героя. Таким образом, это не столько запись преданий, сколько созданное автором на основе устных рассказов авторское повествование о Манчаары, где представляется романтическая история гордого юноши, жестоко обманутого родным дядей после смерти своего отца, прожившего трудную жизнь и до преклонного возраста не уронившего чести, сохранившего почтение матери и романтическую любовь к родной земле. Именно этот образ по различным вариантам фольклорных источников впоследствии становится темой многих произведений во всех жанрах якутской литературы, в том числе была издана книга песен Манчаары, который в народной памяти остается талантливым певцом и сказителем [21].

В подтверждение необычного образа реальной личности можем кратко представить историю создания поэмы «Якут Манчара», которая датируется 1852–55 годами, сибирского поэта Матвея Александрова. Об этом читаем в работе М. Г. Михайловой: «Будучи судебным работником, М. Александров одно время имел непосредственное отношение к делу Манчаары и был лично знаком с обвиняемым. Поэтому созданная им поэма основана ... на собственных впечатлениях от встреч с прототипом» [22, с. 63].

Еще одно художественное произведение о Манчаары – драма В.В. Никифорова-Кюльмнюр, написанная в 1905 году, считается одним из первых театральных постановок на сцене, где роль главного героя сыграл Алексей Кулаковский. Для своей роли и по сюжету драмы он спел песню Манчаары, текста которой не было в рукописи пьесы. Эти факты жизни и творчества Кулаковского подтверждаются Л. Р. Кулаковской в реально-исторических комментариях II тома АИ [11, с. 629–631].

Заключение

Основой индивидуального стиля А. Е. Кулаковского является поэтика устного народного творчества. В этом плане его высокое мастерство поэта подтверждается тем, что древний аллитерационный стих становится формой литературных произведений, где автор обращается к актуальным социальным вопросам жизни и судьбы родного народа. В этом отношении бесспорно яркое и глубокое авторское начало во всем его

поэтическом творчестве. В его классическом наследии наблюдаются и такие интересные явления, как обращения к канонам фольклорных жанров, чтобы и в них раскрывать свои размышления о сложных явлениях начала XX века. Анализ деталей художественных текстов Кулаковского не менее убедительно доказывает особенности его поэтических образов. В этом плане значительными по итогам представленного исследования воспринимаются предпочтения автора, непосредственно связанные с дискурсивными функциями знаков препинания, что вполне логично перекликается с поэтической культурой мировой и русской литературы.

Труды А. Е. Кулаковского по этнографии и фольклору представляют серьезные исследования проблем в изучении особенностей образа жизни, культуры народов Северо-Восточного региона России. Существенное отличие, глубина и ценность его работ заключаются в том, что он в этом направлении предстает не только исследователем, но и двуязычным писателем, целенаправленно и плодотворно работавшим над переводами текстов на русский язык, где цикл о Манчаары вполне может быть отнесен к образцу художественного повествования о легендарной личности.

Л и т е р а т у р а

1. Слепцов П. А. А. Е. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский А. Е. Труды по якутскому языку. Сост. Л. Р. Кулаковская. – Якутск: «Бичик», 2018. – С. 22–50.
2. Надъярных М. Ф. Категории описания национальных художественных процессов // Вопросы изучения национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. – Москва: ИМЛИ РАН, 2014. – С. 131–139.
3. Щербакова М. И. От редактора // От истории текста к истории литературы. Отв. ред. М. И. Щербакова. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 5–7.
4. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. Вступ. статья: В. Н. Иванов, Л. Р. Кулаковская. – Новосибирск: Наука, 2012. – 189 с.
5. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск, 1979. – 483 с.
6. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 166 с.
7. Султанов К. К. Национальная литература: к вопросу о корреляции этнокультурного и аксиологического подходов // Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья: сборник статей и материалов: к 70-летию профессора В. Г. Радионова / составитель и научный редактор И. Ю. Кириллова. – Чебоксары: ЧГИГН, 2018. – С. 160–177.
8. Вьюгин В. Идеальная текстология (Несколько замечаний к теории и практике критики текста). – Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения. Отв. ред. Н. В. Корниенко. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 550–569.
9. Кулаковский А. Е. Поэтические произведения. Т. 1. Сост. Л. Р. Кулаковская, отв. ред. П. В. Максимова – Новосибирск: Наука, 2009. – 629 с.
10. Тюпа В. И. Анализ художественного текста в отечественном литературоведении XX века // Русское литературоведение XX века: имена школы концепции. Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 ноября 2010 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 50–56.
11. Кулаковский А. Е. Рукописные варианты основных текстов, списки, неопубликованные произведения и dudia. Т. 2. Сост. Л. Р. Кулаковская, отв. ред. П. В. Максимова – Новосибирск: Наука, 2018. – 760 с.
12. Каллер Дж. Теория литературы. Краткое введение. – М.: АСТ-Астрель, 2006. – 158 с.
13. Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. – Москва.: Время, 2007. – 768.
14. Кулаковский А. Е. Сновидение шамана. Стихи и поэмы. Перевод с якутского В. Солоухина, С. Поделкова. – Якутск: «Бичик», 2002. – 320 с.
15. Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон. Ред. комиссия: А. И. Захаров, В. Н. Чемезов и др. Вступ. статья: В. Н. Чемезов, Н. М. Заболоцкий. – Якутск, 1946. – 319 с.

16. Кулаковский А. Е. Ырыалар-хоһооннор. Подготовка к печ., вступ. статья, комментарии Н. П. Канаева. Ред. коллегия: Г. М. Васильев, С. Р. Кулачиков и др. – Якутск, 1957. – 306 с.
17. Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон. Ред. коллегия: Е. И. Коркина, Софр.П. Данилов и др. Вступ. статья: М. Пархоменко, Г. Сыромятников. – Якутск, 1978. – 295 с.
18. Гуго Фридрих. Структура современной лирики. От Бодлера до середины XX века. – М.: Изд. «Язык славянских культур», 2010. – 341 с.
19. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974. – 402 с.
20. Кулаковской А. Е. Уһүээннэр, номохтор. Легенды, былины. Сост. Л. Р. Кулаковская. – Якутск: Бичик, 2007. – 107 с.
21. Манчаары Баһылай. Ырыалар-тойуктар (Песни-импровизации). Сост. Г. В. Попов. – Якутск: «Бичик», 1994. – 143 с.
22. Михайлова М. Г. Очерки русской литературы Якутии. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. – 184 с.
23. Национальный архив Республики Саха (Якутия), ф.1480, оп. 1, д. 18.
24. Сеймчанский дневник А. Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй. Сост. Р. Р. Кулаковская, Н. С. Степанова. – Якутск: «Бичик», 2018. – 64 с.

References

1. Slepcev P. A. A. E. Kulakovskij i sud'by rodnogo yazyka // Kulakovskij A. E. Trudy po yakutskomu yazyku. Sost. L. R. Kulakovskaya. – Yakutsk: «Bichik», 2018. – S. 22–50.
2. Nad'yarnyh M. F. Kategorii opisaniya nacional'nyh hudozhestvennyh processov // Voprosy izucheniya nacional'nyh literatur. Teoriya. Metodologiya. Sovremennye aspekty. – Moskva: IMLI RAN, 2014. – S. 131–139.
3. Shcherbakova M. I. Ot redaktora // Ot istorii teksta k istorii literatury. Otv. red. M. I. Shcherbakova. – M.: IMLI RAN, 2015. – S. 5–7.
4. Kulakovskij A. E. Yakutskoj intelligencii. Vstup. stat'ya: V. N. Ivanov, L. R. Kulakovskaya. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 189 s.
5. Kulakovskij A. E. Nauchnye trudy. – Yakutsk, 1979. – 483 s.
6. Tarasova I. A. Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody. – Moskva: INFRA-M, 2018. – 166 s.
7. Sultanov K. K. Nacional'naya literatura: k voprosu o korrelyacii etnokul'turnogo i aksiologicheskogo podhodov // Problemy sravnitel'nogo literaturovedeniya i fol'kloristiki Uralo-Povolzh'ya: sbornik statej i materialov: k 70-letiyu professora V. G. Radionova / sostavitel' i nauchnyj redaktor I. Yu. Kirillova. – Cheboksary: CHGIGN, 2018. – S. 160–177.
8. V'yugin V. Ideal'naya tekstologiya (Neskol'ko zamechanij k teorii i praktike kritiki teksta). – Tekstologicheskij vremennik. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya. Otv.red. N. V. Kornienko. – M.: IMLI RAN, 2009. – S. 550–569.
9. Kulakovskij A. E. Poeticheskie proizvedeniya. T. 1. Sost. L.R. Kulakovskaya, otv. red. P. V. Maksimova – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 629 s.
10. Tyupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta v otechestvennom literaturovedenii HKH veka // Russkoe literaturovedenie HKH veka: imena shkoly koncepcii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 26–27 noyabrya 2010 g.). – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. – S. 50–56.
11. Kulakovskij A. E. Rukopisnye varianty osnovnyh tekstov, spiski, neopublikovannye proizvedeniya i dudia. T. 2. Sost. L.R. Kulakovskaya, otv. red. P. V. Maksimova – Novosibirsk: Nauka, 2018. – 760 s.
12. Kaller Dzh. Teoriya literatury. Kratkoe vvedenie. – M.: AST-Astrel', 2006. – 158 s.
13. Chuprinin C. Russkaya literatura segodnya. Zhizn' po ponyatiyam. – Moskva.: Vremya, 2007. – 768.
14. Kulakovskij A. E. Snovidenie shamana. Stihi i poemy. Perevod s yakutskogo V. Solouhina, S. Podelkova. – Yakutsk: «Bichik», 2002. – 320 s.
15. Kulakovskij A. E. Yrya-hohoon. Red. komissiya: A. I. Zaharov, V. N. Chemezov i dr. Vstup. stat'ya: V. N. Chemezov, N. M. Zabolockij. – Yakutsk, 1946. – 319 s.
16. Kulakovskij A. E. Yryalar-hohoonnор. Podgotovka k pech., vstup. stat'ya, kommentarii N. P. Kanaeva.

Red. kollegiya: G. M. Vasil'ev, S. R. Kulachikov i dr. – Yakutsk, 1957. – 306 s.

17. Kulakovskij A. E. Yrya-hohoon. Red. kollegiya: E. I. Korkina, Sofr.P. Danilov i dr. Vstup. stat'ya: M. Parhomenko, G. Syromyatnikov. – Yakutsk, 1978. – 295 s.

18. Gugo Fridrih. Struktura sovremennoj liriki. Ot Bodlera do serediny HKH veka. – M.: Izd. «Yazyk slavyanskikh kul'tur», 2010. – 341 s.

19. Ergis G.U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. M., 1974. – 402 s.

20. Kulakovskaj A. E. Yhyjeenner, nomohtor. Legendy, byliny. Sost. L. R. Kulakovskaya. – Yakutsk: Bichik, 2007. – 107 s.

21. Manchaary Bahylaj. Yryalar-tojuktar (Pesni-improvizacii). Sost. G. V. Popov. – Yakutsk: «Bichik», 1994. – 143 s.

22. Mihajlova M. G. Ocherki russoj literatury Yakutii. – Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1995. – 184 s.

23. Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Yakutiya), f.1480, op. 1, d. 18.

24. Sejmchanskij dnevnik A. E. Kulakovskogo-Øksøkyleeckh Øløksej. Sost. R. R. Kulakovskaya, N. S. Stepanova. – Yakutsk: «Bichik», 2018. – 64 s.



– ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 82-94(571.56)

M. Kh. Nadergulov

**Some events of 1830-1835 in Russia in the memoirs
of the Bashkir Usman, the son of Ishmukhamet**

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract. The article reports that the Fund of Manuscripts and Old Printed Books of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, contains the text of the memoirs of Usman, the son of Ishmukhamet, a Bashkir Cossack, a participant in a military campaign to Poland in 1830-1835, written in the middle of the 19th century. This arabographic manuscript in the Old Turkic language contains very interesting and valuable information about the life of the Bashkir people at the beginning of the 19th century, about the uniforms and weapons of the Bashkir military units of that period, about the participation of 5 Bashkir regiments in a military campaign to the western outskirts of the Russian empire in 1830, meeting with Count M. S. Vorontsov in the city of Odessa, carrying out the service to maintain quarantine against cholera in the Kherson province, suppressing the uprising of the Polish confederates, protecting the western borders of the empire along the Dniester, Danube and Prut rivers, returning home in 1835 and meeting with Major General S. F. Tsialkovsky, Commander of the Bashkir and Meshcheryak troops. The manuscript can serve as a valuable source for historians, ethnographers, linguists, literary scholars and all those interested in the history of Bashkiria and the Bashkir people.

Keywords: Bashkir literature, textual criticism, arabographic source, 19th century manuscript, Bashkir Cossack military formations, historical and literary monument.

НАДЕРГУЛОВ Минлегали Хусаинович – д. филол. н., главный научный сотрудник, заведующий отделом литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: nadergul@mail.ru

NADERGULOV Minlegali Khusainovich – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

М. Х. Надергулов

Некоторые события 1830–1835 гг. в России в воспоминаниях башкира Гусмана сына Ишмухамета

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
г. Уфа, Россия

Аннотация. В статье сообщается, что в Фонде рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы Уфимского федерального научного центра РАН содержится текст воспоминаний башкирского казака, участника военного похода на Польшу в 1830–1835 гг. Усмана, сына Ишмухамета, написанный в середине XIX в. Эта арабографическая рукопись на старотюркском языке содержит очень интересные и ценные сведения о жизни башкирского народа в начале XIX в., об обмундировании и вооружении башкирских воинских частей того периода, об участии в 1830 г. 5 башкирских полков в военном походе на западные окраины Российской империи, встрече с графом М.С. Воронцовым в Одессе, проведении службы по поддержанию карантина против холеры в Херсонской губернии, подавлении восстания польских конфедератов, защите западных границ империи по рекам Днестр, Дунай и Прут, возвращении на родину в 1835 г. и встрече с командующим башкирскими и Мещеряцкими войсками генерал-майором С. Ф. Циолковским. Рукопись может служить ценным источником для историков, этнографов, лингвистов, литературоведов и всех, кто интересуется историей Башкирии и башкирского народа.

Ключевые слова: башкирская литература, текстология, арабографический источник, рукопись XIX века, башкирские казачьи воинские формирования, историко-литературный памятник.

Introduction

One of the conditions for the entry of Bashkiria into the Russian state was military service by the Bashkirs. It acted as a guarantee of the preservation of their patrimonial rights to their lands. The main task of the Bashkir military service was to protect the southeastern border of Russia. At the same time, the Bashkir regiments, as part of the Russian troops, participated regularly in various wars and military campaigns. For example, in 1612, as part of the militia led by Kuzma Minin and Dmitri Mikhailovich Pozharsky, they liberated Moscow, were in the Crimean (1675) and Azov (1695, 1696) campaigns, twice (in 1701-1705 and 1709-1710 biennium) participated in the so-called Northern and Seven Years Wars (since 1756). In 1771-1773, 3,100 Bashkirs, headed by foreman Kuluy Baltachev, were sent to the Polish corps of Aleksandr Ilich Bibikov to fight the Barsk confederation. 4 500-strong Bashkir regiments were in the Finnish army during the Russian-Swedish war of 1788-1790. At the beginning of the 19th century, the Bashkirs participated in the Napoleonic wars, 10 thousand people were sent to Prussia in 1807. 20 Bashkir regiments took part in the Patriotic War of 1812 and the Foreign campaigns of 1813-1814 [3, 101-102].

Many of these events are reflected in folk songs, legends and traditions, and some are recorded in written documents. In this regard, of great interest is the arabographic manuscript kept now in the Fund of Manuscripts and Old Printed Books of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences [6].

The History of Discovering the Manuscript

January 3, 2003, the head of the ethnography department of the Institute of History, Language and Literature, Rinat Mukhametovich Yusupov (1951-2011), handed this small handwritten book in Old Turkic language to the author of these lines. Before that, it was kept in the personal fund of the former head of the same department, the famous scientist-ethnographer Nail Valievich Bikbulatov (1931-1996).

Archaeographic description of the document

The book consists of 24 handwritten sheets measuring 18 x 11 cm, fastened together with a thick black thread. There are no watermarks and stamps of those years on the sheets. The main arabographic text is written in sweeping handwriting on both sides of the sheets, which have no margins, the numbers of the document are Indo-Arabic. Events and phenomena are dated according to the Julian calendar using also Indo-Arabic numerals. Initially, the handwritten book did not have sheet numbering; sheet pagination in pencil was carried out in 2003 by the author of these lines.

On its cardboard cover, the following words are written by hand in Russian: “Acquired by the historical and ethnographic expedition of the branch from the village Elimbetovo, Sterlitamak district, Islamgulov Lutfully. 15/IX-52”. According to the modern administrative-territorial division, the village of Elimbetovo is part of the Sterlibashevsky district of Bashkortostan. So, on September 15, 1952, a resident of this village, Lutfulla Islamgulov, handed over this manuscript book that he kept to the members of the historical and ethnographic expedition of the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences.

From a piece of paper glued to the inside of the cover, it can be seen that someone tried to transliterate the opening lines of the first page of this manuscript book from Arabic to modern Bashkir graphics. However, he misread some of the words, and some are simply marked with three dots. Thus, the written monument remained unexplored for more than half a century.

Authorship and general content of the manuscript

General acquaintance showed that the manuscript is a very valuable historical and literary source. It was written in the late 1860s by a Bashkir from the Yurmatinsky family, an ordinary cornet Usman, the son of Ishmukhamet.

First, the author reports that he was born in 1809 and lives in the village of Shakarovo [13], Yurmatinsky volost, Sterlitamak district. It also gives quite interesting information from the life of the Bashkir people at the beginning of the 19th century. In the rest of the manuscript book, he consistently and in detail describes everything that he saw and experienced in his life full of hardships and drama.

It turns out that the childhood and adolescence of Usman, the son of Ishmukhamet, passed in the village of Alimguzha [2], which has not survived to this day. In 1820, their father died suddenly, and the life of their family became unbearably difficult. Despite this, Usman went to study and studied for 4 years at the Chetyrmanov [4] madrasa [9]. He had a great desire to continue his studies, however, due to a lack of money, he was forced to work for the local rich until 1829.

In 1830, instead of his recently married brother Abubakir, he volunteered (in the text of the document: “willing”) as part of the Bashkir Cossack regiment to the so-called “Moldovan service”. The Bashkir Cossacks, having joined the Orenburg Cossacks, set off for the western outskirts of the Russian Empire and, four months later, arrived in Odessa, then in Tiraspol. For some time they led a security service in the Kherson province to prevent the spread of cholera, then they were sent to Poland to suppress the uprising of the Polish Confederates. After pacifying the Poles, they served on the western borders of the empire along the Dniester, Danube and Prut rivers. They returned home only in February 1835, when other Bashkir regiments arrived and entered service instead.

After returning from military service, Usman married and began family life. However, he was not allowed to live in peace: in 1839, 1841 and 1845 he underwent a "linear" service in the southeastern borders of Russia. In 1846, after the death of his wife, he married again, from 1849 to 1866 he worked in different villages as a clerk, assistant foreman and yurt foreman.

At the end of the manuscript, the author, relying on some written sources, lists some of the historical events that took place in the years 1237-1867. He also mentions the names of Russian tsars and Bashkir canton chiefs.

It is very likely that Usman, the son of Ishmukhamet, kept diary entries from his youth. This conclusion is led by the fact that the text of the manuscript is replete with specific dates and names. Apparently, he copied his notes in the form of this manuscript in the years 1867-1868, because these years are indicated by the last dates.

Conclusion

The manuscript of Usman, the son of Ishmukhamet, can serve as a valuable source for historians, ethnographers, linguists, literary scholars and all those who are interested in the history of Bashkiria and the Bashkir people. It is written in a rich, juicy language and contains very important information about the clothing, food of the Bashkirs at the beginning of the 19th century, data about the Bashkir Cossack troops and the military campaign of 1830-1835. Memories have a plot narration, monologues, dialogues and emotionally expressive means of language are actively used in the text. The author sometimes refers to Russian words and expressions, uses the military terminology of his time ("worthy", "number", "willing", "count", "official", "team", "cap", "outfit", "Cossack", "officer", "uryadnik", "regiment", "provisions", "picket", etc.).

Excerpt from the Text of the Written Monument

Below is the translation into English of that part of the text of the manuscript, which describes the author's military service:

"... In 1830, our cantonal chief, Lukman [7], was ordered to prepare for military service 75 healthy guys with the best racing horses, who were to provide all the necessary nineteen souls from each team. My brother Abubakir was also assigned to this service. He had to go in a blue *checkman*, in blue trousers, in a white hat, with a saddle with a bitch lining, a gun, a saber and a pike. In other places the people also provided a horse. However, due to poverty, we could not give a horse. We had to take the blue racehorse Uzyanbai-aga, giving him three mares in return.

My late brother Abubakir was married prior to his appointment. In order not to send him, instead of him I went "willing". I told him: "Instead of crying with four eyes, you will cry with only two!" This was also supported by relatives.

That year Alimguzha-agay [1] wrote a resignation letter. Fulfilling his foreman's post, Altynbai-agay [1] himself was engaged in sending the "Moldavian" Cossacks. On May 5, 1830, we went to Orenburg. On the way we stopped in the valley of the Billy Kilich river near Urshak [16]. For 15 days, our training was carried out by the canton commander Lukman Ibragimov, then he handed us over to the regimental commander Negashov. We went on a hike on May 20. Three horses were attached to each two people.

At the gathering place in the village of Muradym [11], the wives of the married Cossacks decided to lag behind the team. But they couldn't part for a long time, they cried.

Then, through the Buzuluk fortress, we arrived in Samara. In those days Samara was not a provincial town, it was only a district town. We stood in Samara for ten days. There the Orenburg horse Cossacks joined our regiment, and our unit was called the "eleventh regiment". Then we set off in the direction of the city of Odessa. Through Syzran and Kuznetsk arrived in the Penza province. From there we got to the Kharkov province, then to the Voronezh and Poltava provinces. There we were mixed with Russian soldiers. Only Russians were the leaders of hundreds. They said that the Bashkir officials did not know the rules. In the five hundredth

regiment, three officers were assigned to every hundred, i.e. officials, four police officers, and in a hundred there were one hundred and ten Cossacks. Russian officials took turns in command of the regiments every day. Bashkir officials grazed horses every night.

At first, four Russian Cossacks rode in the marching formation, then four Bashkir Cossacks in the second row, four Russian Cossacks in the third row, and so on. They sat down and jumped off their horses only on command. During the four months of driving, our horses were very tired, many of them died, and those who lost their horses had to go on foot.

In the first days of October we reached the city of Odessa. We met with Count Vorontsov [17] and by his order began to serve in the city of Tiraspol. The real army service began. They were also ordered to sell excess clothes, throw the fluff out of the pillows and put clothes in there instead. The service was very difficult. They ordered to wear Russian clothes instead of home clothes. Our white hats, which we wore at home, have worn out. Putting a cap on our heads, we became like Russians, i.e. on horseback Cossacks.

After serving there for one month, we were sent to the Kherson province. We had to protect the quarantine, i.e. because of the spread of cholera [8], having built a tent with an area of two hundred yards and standing on guard, they had to not let anyone out and let into the territory of the province. For two months they were guarded in the evenings and in the daytime. Two hundred people died every day. There was a Russian cemetery in three places. During each morning prayer, fifty to sixty people were buried. However, our Cossacks did not have to deal with this (business). My post was not far from one cemetery.

After the spread of cholera in this province stopped, we went north, towards the country of the Poles. We had to fight them because they did not obey our tsar. It was winter. For a month and a half, walked towards the Polish city of Zhitomir. When the distance to the city was 15 days long, three hundred people were included in the 9th, 8th regiments of the Orenburg district and sent towards the city of Warsaw. The regimental commander Negashov with two hundred well-fed and well-dressed people with horses remained in the Zhitomir province. We also spent the winter there.

In early March, the Polish people began to fight. We heard that the owners killed two battalions of soldiers in their apartments. We were ordered, both Cossacks and soldiers from any regiment, not to spend the night in apartments, but to gather in the evenings in one place and spend the night there. The Polish people were forbidden (original: denied) to have a rifle, saber and pike.

Somehow in the spring, at the beginning of April, they began to bypass and search the unemployed in the district. And those who found weapons were brought to justice. Bastruks and state houses were filled up with such people, and later they even began to be locked up in the stables of the Jewish people.

After that, we heard the news that on the 15th of May, the Polish people, having gathered in several teams, robbed the post office going to Zhitomir on the high road, took away the money and killed the postmen. On the 20th of May, news reached us that the Polish army had taken the city of Abrosovo by storm, armed and included seven hundred recruits, in the same city it was holding about five hundred provisions going to Warsaw. Then one and a half thousand soldiers - infantrymen, from our regiment two hundred Cossacks, as well as from other regiments - in total more than three thousand soldiers were sent to storm this city.

After we passed one station, the Polish post office drove out to meet us in a troika, where three people were sitting. Seeing them, our regimental commander Negashov commanded: "Step back, let's go!" And we let them go by stepping back on two sides. They suddenly fired from a palette towards the regimental commander. The commander ordered to overtake and capture this troika. Several Cossacks galloped after them, but returned with nothing.

After that, passing one more station, we reached a village and met pickets of the Polish army. They scattered them with lances with scarlet ribbons, some of them were taken prisoner, and some were killed. Then the service became very strict. Each Cossack and soldier

was not supposed to doze, spend the night only in the pine forest of Polish territory, placing a saber, a gun and a pouch under him. In the morning we were back on our feet, in marching formation. The enemy troops who opposed us were destroyed, some of them fled into the forest. They couldn't get over us.

Both day and night they were careful, for about ten days they could not sleep at all. The officers and the regimental commander himself went around the patrols and hit the sleeping people with whips. If they had said in the morning: "You can sleep peacefully this evening," – we would have been so pleased! How much we needed sleep!

On the 27th day of May, before reaching the city of Abrosov, six kilometers away, we encountered the Polish army, which, having occupied our road in advance, began to press us. Firing from guns, in the afternoon they forced us to retreat a kilometer, and after sunset they went on the offensive. We spent the night on a field of ripe rye. Rifle balls fell on us like drizzling rain. However, none of us were hurt that day.

Until the expiration of one third of the night, they fed their horses. On one side of the location of our army, we three people – one mounted Cossack and two Bashkir Cossacks – stood in a picket.

In the middle of the night, we received an order from the commander to get ready for the campaign. We set off with great care, not rattling our guns and sabers. Since the highway was blocked by the Polish army, they left this road and, having made a circle of twelve kilometers, decided to cunningly approach the city from another road. When we stood in confusion, the sergeant Ishbuldy Kudakaev came up and said: "What are you standing for? The army has moved! " After walking several kilometers with him, we joined the army and were very happy about it.

When we made a circle of twelve kilometers and approached the city at a distance of one and a half kilometers, it began to dawn. The Polish army learned about our approach and, leaving the city in horse and cave order, opened fire. Our army, under a drumbeat, fired from cannons two or three times and, having lined up soldiers in the middle, and Cossacks on both sides, we, Muslims, with the words "Allah is great!" went on the offensive.

On that day, we lost hope of staying alive. We thought that we were about to die. The Polish army outnumbered us five times. On that day we were commanded by a hussar officer. "Matri [10], guys, don't run, don't run! – he said (this means "do not run away") – Go ahead, don't shoot! – he said (that is, "do not shoot at all in one gulp"). – Charge!" – he said (i. e., "load your guns").

We, hoping for Allah, having said goodbye to life, with tears in our eyes and with a cry of "hurray" went forward. The officers, pulling their sabers from their scabbards, struck with the back of the saber and shouted: "Forward, yes forward!" "Whoever retreats ten yards will be shot with a gun, and whoever retreats twenty yards will be shot from a cannon!" – they said. Their words "forward, yes forward" meant "go forward, go forward, do not retreat."

The regiments fired in the direction of those who were walking by two or three people. Their kernels hit both the horses and ourselves. In the end, with God's help, we defeated the Poles and forced them to flee from the battlefield. Many of them were destroyed. The non-cool people who joined them and some of the gentry threw down their weapons and, giving pardon, began to run towards our army. We, having suppressed them, broke into the city at lunchtime. Outside the city, people called "melenek" lay without arms and legs like flocks of sheep, drowning in blood...

On May 29 we took the city of Abrosov, and the reign of our Shakh Nikolai Pavlovich reigned there. The mayor was re-appointed, and other cities and villages were also conquered. After that, in the first days of August, the agreement was signed (fig. 1, fig. 2).

This year we spent the winter in the city of Abrosov. In early May 1832, we made a campaign in the direction of the Prussian border. Within a month and a half. At that time the border was in three lines. The first one – along the Dniester river, the second one – along

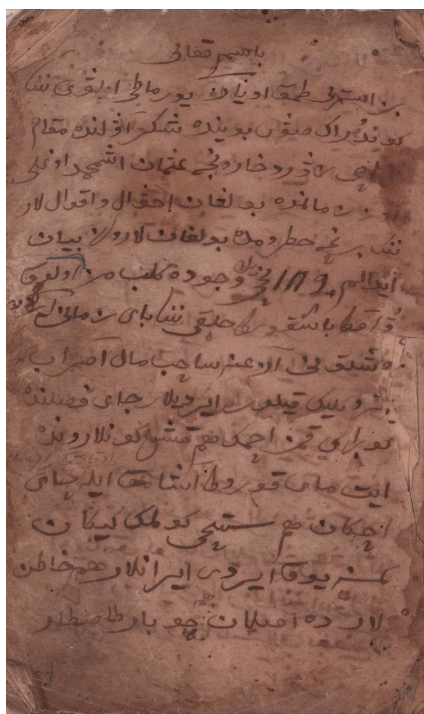


Fig. 1. Manuscript start page

the Prut river, the third one – along the Danube river. Our 11th regiment at the end of June replaced the 9th post along the Prut river.

During the campaign to the Prussian border, the senior sergeant Chernyaev appointed me corporal of the last department and gave me a list of 25 people in my hands. At the bottom of these names I wrote (names) according to our Tatar letter and, comparing them, I began to understand some Russian words and what I (already) knew, I rewrote in Russian. The regimental commander wrote down everyone who knew the Russian letter and at the border appointed them as orders to each cordon. I was an orderly in Nizhny Erzatsk, commanding four Russians and three Bashkir Cossacks.

In 1833, the Don Cossacks below us (along the river) went to the Turkish War. Due to the fact that from the Bashkir regiments stationed along the Danube border there were defectors to abroad, we were not sent to the Turkish War, but left in the place of the Don regiments.

I ended up in a postal cordon called Tayub Ezkirdi, located below where we used to stand. At that time, the clerk who received and sent the postage papers was a (Cossack) by the name of Tiblikov. He fell ill with some kind of illness and went to a hospital in Kishinau. Instead, I was appointed postmaster and was responsible for sending mail.

In 1834 I again became the commander of fifteen Cossacks, i. e. eight Russian and seven Bashkir Cossacks. At the end of August 1834, a change arrived from our homeland, half of them were from the Urals, half were Bashkir (Cossacks). And they stayed at the border. We went home with high spirits. We were on the campaign during September, October, November, December and January. In early February, we arrived in the city of Samara. There we were met by a colonel from St. Petersburg and asked about our difficulties. He asked about clothes, about who had not yet received the required material rewards, and other difficulties. After that, the Russian Cossacks dispersed to their villages, and together with Tikhonov from Troitsk (colonel) he sent us to Sterlitamak.

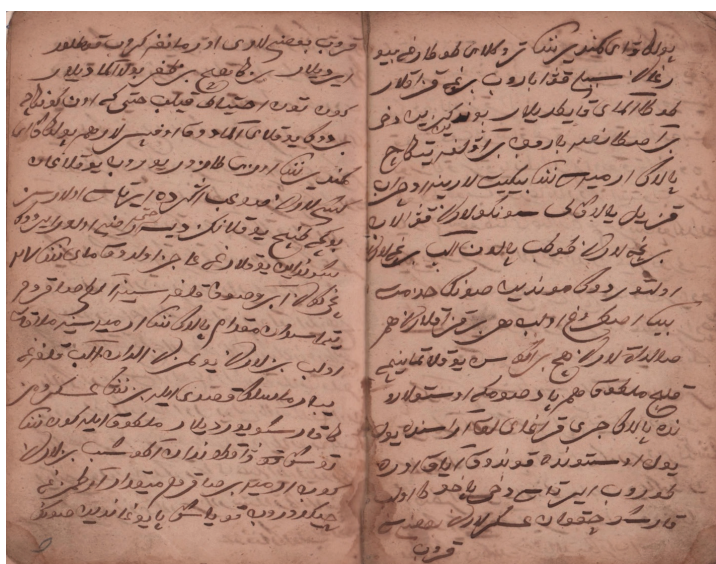


Fig. 2. Fragment from the manuscript

On the 18th day of February 1835, we arrived in Sterlitamak. We were met by General Tsiolkovsky [15] with the canton chief Lukman Ibragimov. Our review took place in Cossack uniform. At this time, the Sterlitamak fair was held. (General Tsiolkovsky) liked the uniform of our clothes, then he began to dress all the Bashkir Cossacks in the same uniform (in the original: the Bashkir people).

At that time, the foreman was Gubeidullah, son of Bikkena. During the review, Andrei Ignatievich Tikhonov [14] showed me to General Tsiolkovsky and said in praise: "This Cossack knows Russian and Tatar languages, enjoys the confidence of the people, does not drink. (He) deserves to be awarded an order". The general asked me: "Where are you from?" In my youth, I could not clearly answer. When I joined the army, there was no such (volost) division of the villages.

On February 20, 1835, we returned to our homeland. We were in Cossack uniform, i.e. in a uniform, trousers with a red stripe and a kibur on our head, they sat on horses in a saddle with a cloth lining that was blue with a red crimson ribbon around the edges..."

Appendix to the article "Memoirs of a Bashkir Cossack"

References

1. "Aga", "agay" – these words, combined with personal male names, translated from the Bashkir language mean "uncle".
2. Alimguzha (Nizhnee Shakarovo) – a village, now part of the Sterlibashevsky district of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation.
3. Bashkirs [Bashkirs / Kuzeev R.G., Danilko E.S. (ed.)]. Moscow: Nauka, 2016. 662 p.
4. Chetyrmanovo (Old Chetyrmanovo) – a village, now part of the Fedorovsky district of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation.
5. Fathom – outdated: equal to 2.134 meters.
6. Fund of manuscripts and early printed books of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Code: 1a – 185.
7. Ibragimov Lukman Usmanovich (1785-?), was in military service since 1801. In 1806-1807, as part of the Bashkir regiment, he was in Poland and Prussia. In 1809-1814 he served as a yurt master, and in 1814-1828 - assistant to the head of the 7th Bashkir canton. In 1828-1854 he was the head of the 7th

Bashkir canton, which was transformed in 1847 into the 8th Bashkir canton. He was awarded the gold medal "For Conscientious Service" (1833): <https://yandex.ru/turbo/google-info.org/s/7365836/1/ibragimovy.html>

8. It is believed that cholera entered Russia during the Polish uprising of 1830-1831. Parts of the Middle East, Egypt and Mediterranean ports have become major gateways for pathogens to break through to Europe: <https://posmotrim.by/article/epidemiya-holery-1830-1831.html> (date of use 10.12.2020).

9. Madrasah – (Arabic "madrasa", from "daras" – to study) a Muslim secondary and higher school, which trains clergymen, teachers of primary Muslim schools – Mektebs, as well as government officials in the countries of the Near and Middle East and others. Madrasahs became widespread in the 9-13th centuries in countries dominated by the population professing Islam, including in some areas of pre-revolutionary Russia (Bukhara, Samarkand, Kazan, Ufa and others): <https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/136004>

10. "Matri" – here the author used the Russian word "look" incorrectly.

11. Muradym – presumably we are talking about the village of Muradymovo, which is now part of the Kugarchinsky district of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation: <https://ruskarty.ru/respublika-bashkortostan> (date of use 10.12.2020).

12. Recruit, recruitment – a way of manning the armed forces of the Russian Empire (Russian Imperial Army and Navy) until 1874. Recruitment was introduced in Russia by the Sovereign, Tsar and Grand Duke of All Russia Peter I in 1705, when the term "recruit" was legalized in the state. As a result, by 1708, instead of about 40 thousand soldiers, the Russian army was 113 thousand recruits. At first, people gathered for recruitment were still called tribute people: https://en.wikipedia.org/wiki/Imperial_Russian_Army; https://en.wikipedia.org/wiki/Imperial_Russian_Navy.

13. Shakarovo (Verkhnee Shakarovo) – a village, now part of the Sterlibashevsky district of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation.

14. Tikhonov Andrey Ignatievich – Cossack of the Orenburg Cossack army, born 1802): https://en.wikipedia.org/wiki/Orenburg_Cossacks

15. Tsiolkovsky – Stanislav Fomich (Timofeevich) Tsiolkovsky, Major General; born December 8, 1788 in the village of Belopole, Zhytomyr region; came from an old Polish noble family. On December 4, 1834, was appointed commander of the Bashkir and Meshcheryak troops; On January 1, 1835, he was promoted to major general in retirement, and in 1836 he received the Order of St. Stanislav 1st degree. In 1839-1840. participated in the Khiva expedition, October 16, 1840 - awarded the Order of St. Anna 1st degree, and on November 28, 1840, he retired due to illness. The time of death is unknown: <https://biographiya.com/ciolkovskij-stanislav-fomich-timofeevich> (date of use 12/10/2020).

16. Urshak – now a freight railway station in the Bashkir region of the Kuibyshev railway on the Karlaman - Dyoma line. Located in the city of Ufa, until April 17, 1992 was part of the Ufa region. A village of the same name grew at the station (Village of Urshak station). Near the station is the Urshak river, after which the station got its name: <https://en.wikipedia.org/wiki/Urshak>

17. Vorontsov – Mikhail Semyonovich Vorontsov (1782-1856), a prominent military and statesman, Governor-General of the Novorossiysk Territory and Bessarabia (since 1823), Governor in the Caucasus (since 1844), His Serene Highness Prince (since 1852), Field Marshal (since 1856): https://hrono.ru/biograf/bio_we/voroncov_ms.php (date of use 12.10.2020)



УДК 821.512.157Кулаковский.09

A. P. Nogovitsyn

Textological analysis of the early editions of A. E. Kulakovsky's literary texts

History Museum of Yakutsk, Yakutsk, Russia

Abstract: The article examines the research of the works of A. E. Kulakovsky based on the theoretical observations of D. S. Likhachev and the practical data of the comments in the II volume of A. E. Kulakovsky (author P. V. Maksimova) presents a comparative analysis of early versions containing the main texts of A. E. Kulakovsky. The subject of the research is a comparative analysis of A. E. Kulakovsky's early publications with the main texts. The purpose of the work is to identify and describe the corrections and editing of the author, which allows development tracing of the author's thoughts, finding the reasons and motives for the corrections. Textual differences between the early works with the later written text are noted as improvements: these are line additions, changes in individual words, rearrangements of lines and verses. The uniqueness of the study lies in the fact that it provides support for the early publications of A. E. Kulakovsky and continues editing as a subject of textual research. From this point of view, the early publications of A. E. Kulakovsky are updated as materials of interdisciplinary research: as an indicator of the process of the formation of Yakut (Sakha) literature in general and as variations of the main texts of the writer revealing the history of his original texts. The relevance of this research lies in the fact that it presents a special textual analysis of the poet's individual works, including deep insides into the source of the study and its development as part of the authors artistic heritage and through all this acquiring special significance. Over the past decade a significant amount of new documents, related to his biography have been discovered, including unpublished works and scientific researches, which now make it possible to supplement and re-analyze previously known works in the context of new found material, giving inside into his artistic development and the chronology of publishing his works in the 20th century.

Keywords: Yakut (Sakha) poetry, textual criticism, reading discrepancies, main text, editing, variations.

The article (paper) has been written with the financial support of the RFFI research and science grant project No. 19-012-00170 "Yakut folklorists: bibliographic dictionary".

A. П. Ноговицын

Текстологический анализ ранних публикаций художественных текстов А.Е. Кулаковского

Музей истории г. Якутска, г. Якутск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается исследование произведений А. Е. Кулаковского на основе теоретических положений Д. С. Лихачева и практических данных комментариев II тома А. Е. Кулаковского (автор П. В. Максимова) представляется сопоставительный анализ ранних

НОГОВИЦЫН Александр Павлович – магистр филологии, заведующий музеем истории города Якутска.

E-mail: nogovi_sash@mail.ru

NOGOVITSYN Alexander Pavlovich – master of Philology, manager of the history museum of Yakutsk.

вариантов с основными текстами А. Е. Кулаковского. Предметом исследования являются сопоставительный анализ ранних публикаций А. Е. Кулаковского с основными текстами. Цель работы – выявить и описать исправления и редактирование автора, что позволяет проследить движение авторской мысли, аргументировать причины и мотивы исправлений. Различия текстов ранних произведений с основным текстом отмечаются как доработки: добавления строк, изменения отдельных слов, перестановки строк и строфем. Новизна исследования заключается в том, что она представляет обоснование ранних публикаций А. Е. Кулаковского и прижизненное издание как предмет текстологического исследования. С этой точки зрения, ранние публикации произведений А. Е. Кулаковского актуализируются как материалы исследований междисциплинарного характера: как свидетели этапа становления якутской литературы в целом и как варианты основных текстов писателя, раскрывающие историю его текстов. Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время особую значимость приобретают специальные текстологические исследования отдельных произведений поэта, в том числе углубленная разработка источниковедческой части его художественного наследия. За последнее десятилетие обнаружен значительный корпус новых документов, относящихся к его биографии, в том числе неизданные произведения и научные труды, что позволяет дополнить и по-новому анализировать ранее известные материалы в контексте исследования его творческой эволюции и истории издания его произведений в XX веке.

Ключевые слова: якутская поэзия, вопросы текстологии, различие, основной текст, редактирование, варианты.

Статья написана при финансовой поддержке научно-исследовательского гранта РФФИ проект № 19-012-00170 «Якутские фольклористы: библиографический словарь».

Introduction

Early publications of A. E. Kulakovsky, thoroughly proved by the research of N. V. Pokatilova, L. N. Romanova show the swiftness of the poet's development, demonstrate the literary nature of his works on the basis of formal expressions and descriptions of folklore etymology, undergoing the author's processing within the framework of specific literary images, ideas and artistic forms. In this regard, his works from the very beginning of his career, become independent unique examples of Yakut literature, which is confirmed in new studies done by P. V. Maksimova as a unique style in the artistic heritage of a "bearer of centuries-old traditions", a researcher and expert on the indigenous spiritual culture of the native people [12, p. 115-116].

The research problem in the context of textual analyses of the works of the founder of Yakut literature at the level of scientific publications through all of Russia was first presented in the monography of N. V. Pokatilova "From an Oral to a Written Tradition in Early Literature" and in a number of her other publications. The novelty of these studies lies in the proof that the first publications of the works of A. E. Kulakovsky represent a separate constellation of texts, equated to a significant period in the history of the formation of the early ethnic literature tradition on the basis of the folk culture of the Sakha people. At the same time, the researcher rightly notes that these texts have never been considered specifically as a subject of scientific analysis. Some of them were published as part of the notes from the editors in the collection of the poet called "Iria-khohoon" (1978). N. V. Pokatilova takes into account that the "draft manuscripts of the "first poet" have hardly reached us, so the few journal publications of 1908 and 1913. acquire a special status as variations of the poet's texts, which have a stage significance in his creative involvement." As mentioned "the first publications that showed the continuity of the poet's involvement, demonstrated the actual

literary nature of his works, in contrast to the setup of oral folklore versions and texts of the written body" [10, p. 58].

The significance of early publications of A. E. Kulakovsky is mentioned in the article of P. V. Maksimova: "Magazine and newspaper variations of his poetic works as historical and cultural facts confirm the significance of the author's name, who developed unique works of Yakut literature. The works published in books prove the interest in the works of A. E. Kulakovsky not only as a poet, but also as an expert and researcher of folklore, ethnic culture and the way of life of the people. In general, the first publications of the poet verify a special ideological and thematic range of his interests, as well as the authors specific preferences/ definitions of the main sources of ancient Yakut literature as a national spiritual culture" [11, p. 198]. In this way the history of published works by A. E. Kulakovsky begins with the publications in the early twentieth century in periodicals and books.

The main part of Kulakovsky's early publications

Early publications of works written by A. E. Kulakovsky were printed in 1908, 1913, 1923 in newspapers, the journal "Sakha Sangata" and books. Journal publications include "Abaahy andagara" ("The Oath of Abaahy"), "Teryy iligitten kyranyylaakh" ("Cursed before birth"), "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho" ("Big fire-breathing boat"). Book publications: "Ketchegei baay" ("Greedy rich man"), "Bylyrgy algys" ("Ancient blessing"), "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho" ("Big fire-breathing boat"), "Bayanay algyha" ("The blessing of Bayanay"). In all published works we see discrepancies in reading, changes in texts and punctuations due to the rules of normative grammar.

Before the (Russian) revolution this three works of A. E. Kulakovsky were printed: "Abaahy andagara", "Teryy iligitten kyranyylaakh", "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho" in newspapers and in the journal "Sakha Sangata".

Based on the theoretical assessments of D. S. Likhachev: text editing is a purposeful change belonging to the author or any other person involved. Its goal may be to change the ideological content, format, style, completeness of the text-body, the elimination of certain facts or their change. Conscious changes are much more indicative of the history of the text than unconscious mistakes. They are performed in most cases at the "critical" stages of preparing the text for publication and indicate the existence of the editorial board [7, p. 13] and practical data of the comments of the II volume of A. E. Kulakovsky (author P. V. Maksimova) [8] can be presented in the following types and forms of discrepancies in the early published texts of the founder of Yakut literature.

The poem "Abaahy andagara" ("Oath of the demon") is a free translation of M. Y. Lermontov's poem "Demon". During his life works of A. E. Kulakovsky have been published in 1908 in the newspaper "Sakha ologo", No. 19 (April 24) using Boetlingk's (Latin based) transcription [2]. When and where the poem was written, the author did not indicate. Kulakovsky also did not include this work in his, during his lifetime compiled edition of 1924-1925. It can be assumed that the particular poem is a translation, not an original work of the poet, so he deliberately did not include the collection. Beginning with the 1946 edition, it was printed in subsequent editions in exact accordance with the first publication in 1908. The newspaper version of this work has no differences at all with subsequent editions. Minor discrepancies are associated only with the peculiarities of modern spelling, as well as the placement of punctuation marks. The first publication of this work testifies a high degree of completeness of the text where there is a stylistic and plot-compositional thoughtfulness of almost every word, which, apparently, was preceded by careful, thorough work on the style and language of the masterpiece. In this way, the first publication of A. E. Kulakovsky showed an extremely high level of knowledge in emerging (ethnic) literature.

In the journal text, we find mistakes of the typesetter, which during the preparation of the second volume of the PSS A. Kulakovsky were corrected. Here are the discrepancies we found in the text:

«Oath of the Demon», 1908	2. vol. PSS A.E.Kulakovsky (2017)
халланы (р. 3)	халлааны (р. 2)
туһахтатын (р. 6)	туоһахтатын (р. 4)
манйарга (р. 30)	маньныйарга (р. 18)
дабырыаһын (р. 35)	дыбарыаһын (р. 22)
көстөөр (р. 42)	көстөр (р. 26)
мийигин (р. 64)	миигин (р. 40)
бэлэн (р. 79)	бэлиэн (р. 50)
анныгаар (р. 81)	анныгар (р. 51)
туууар (р. 9)	тууар (р. 12)
араахсыым (р. 9)	арахсыым (р. 12)
хллаан (р. 11)	халлаан (р. 18)
аанньалларын (р. 11)	аанньалларын (р. 18)
амырыыннаахтаан (р. 13)	амырыыннаах (р. 22)
умуллларынан (р. 17)	умулларынан (р. 27)
бууолбат (р. 23)	булбат (р. 30)
тоску (р. 25)	туску (р. 33)
манйытынан (р. 30)	маньныйытынан (р. 39)
саппагырпатын (р. 38)	саппабырпатын (р. 49)
иһилиэн (р. 93)	иһиллэн (р. 58)
кирбиититэр (97 стр.)	кирбиитигэр (р. 61)

The text of the first edition (1908) is generally identical with the main text [5, p. 164-166]. The typing mistakes in the newspaper “Yakutien Life” testify the lack of proofreading of materials in the Yakut language, partly due to the unidentified norms in literacy and grammar of the Yakut language. There are missing syllables, parts of diphthongs, double vowels and consonants. Counting a total of 20 editorial errors.

The poem “Toryy iligitten kyranyylaakh”, was published in the newspaper “Yakutien Life” (“Sakha olog”), 1908. No. 21 (May 1), p. 6., using the Boetlingk transcription [2].

The first journal version of the work, later in the publication “Yrya-khohoon” in 1925 called: “Toryy iligitten tyngneri telkölöppyt”, and in which the work was accompanied with detailed comments by the author. In the version of the first publication the text is much shorter – 128 pages, in the complete edition, 366 pages.

The newspaper version reveals mechanical mistakes, which during the preparation for the second volume of the Composed Works by A.E. Kulakovsky were corrected: irbennik-irben'n'ik, mösyönnēh-mössyönnēh, sanaanaakh-sanaalaakh, ien - inen, өһөүө - өһөүүө, тmngui - tungui, bostaakh - bastaakh.

When compared with the official edition during his life, the following discrepancies are found:

“Dialogues” of a man and a woman are not specified in the journal edition: the text is given in the general form, confirming their identical desires. In the main text, the parents-to-be are personalized. Their appeals to each other are not only a separate category of poetics (compositional features of the work, the presence of role-playing characters with specific social and psychological characteristics), but they also enhance a special national (ethnic) flavor of the work.

In the journal version, the “first figure” is a “beautiful child” (in the main text -a “strong”), whom future parents refuse, fearing that he may grow up to be a wind of a men. The second figure is strong (in the main text – “beautiful”). The third figure in both texts is “smart”, the fourth is “purposeful”, “resourceful”, whom the future parents also refuse. They ask the goddess Aiyhyt for a child that may grow up to be an unpretentious, passive, downtrodden person, but would always be with his parents and would continue their life in his Alas, without leaving his native area.

In this way, the differences between the first publication and the main text is observed in the compositional structure, which can be portrayed in the following comparative parameters of the reference points of the composition, indicating the number of lines related to the reduced parts of both texts. The following table is based on the comments of P. V. Maksimova [8, p. 302-303].

«Teryy iligitten kyranyylaakh», the journal version	«Teryy iligitten tyngneri tölkelöppyt, basic text
1. Introduction. About time, the goddess Ayiihit, husband and wife, their love for each other – p.50	1. Introduction. About time, the goddess Ayiihit, husband and wife, their love for each other – p.120
	2. Second introduction. Beginning of the dialogue – p.34
2. Conversation about a child who will grow up to be beautiful – p.14	3. The husband addressing his wife: about the child, that is going to be a strong person – p.16 The wife fears the fate of the unborn child – p.16
3. Conversation about a child who will grow up to be strong – p.7	4. The husband addressing his wife: about the child, that is going to be a beautiful person – p.11 The wife defends her fears for the unborn child's fate – p.30
4. Conversation about a child who will grow up to be an intelligent, resourceful person – p.49	5. The husband addressing his wife: about the child, that is going to be an intelligent, educated person – p.17 The wife defends her fears of the unborn child's fate – p.18
5. Concluding part by the grown up son of these parents, who has become a downtrodden, passive person – p. 9	6. The husband addressing his wife: about the child, that will grow up as a brave, resourceful person – p.13 The wife who fears the fate of the unborn child – p.26
	7. Appeal from the husband to his wife: granting a choice for the fate of the unborn child – p.19 The wife: justification of her choice – p.33
	8. The final part by the son of these parents, who grew up to be a downtrodden, passive person – p.13

The rhythmic constellation of this writing is quite different. The introductory part of the version in the journal is similar in verse structure to the beginning of epic legends: there is a preference for a "long verse" with alliteration of the first and third words; detailed epithets of folklore etymology. The length of a constellation with one shared meaning of the descriptions reaches more than 20 lines. The main text in this perspective presents a logical clear rhythmic division of verses into constellation from 2 to 4 lines. Rarely - from 5 to 10 lines.

All together, the first publication of the poem "Teryy iligitten kyranyylaakh" in its aesthetic completeness presents by itself an independent version of the poem "Teryy iligitten tyngneri tolkoloppyt", included in the composed edition of Kulakovsky's writings, published while he was still alive. Indisputable proof of this are the different names of the poems, the author's indication of the time of writing it, as well as the author's explanation in the form of a note to the main text. In the composed edition, the author puts the date 1913, while a variation of this poem dates as early as 1908.

The poem "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho" ("Big fire-breathing boat"), published in the magazine "Sakha sangata" ("Voice of the Yakut") 1913. No. 1. p. 8-10, using Boetlingk's transcription [3].

The journal version reveals mechanical errors, which during the preparation of the second volume of the complete collected works of A. E. Kulakovsky were corrected: beyelekh - beyeleekh, ypsyta - ypsyta, ystal - ystaal, kungkunaatta - kungkunatta, duorana - duoraana, dorahyian - duorahyian, salgynnyn - salgynyn, yngchyktaata - ynchyktaata, suuburgan - suburgan, subutchuu - subutchu, kustekh - kuusteeekh, syren- syren, saaya - saya, sokuruu - soguruu, yndy - yndy, kylllygtete - kylllygette.

The two publications of this work, the edition in the journal from 1913 and the book edition of 1924 differ significantly and bring out the deep a thorough revision done by the author during the preparation of the composed work edition of his life.

1. An increase of the length of the poem in the main text occurs: a) as a result of dividing individual lines into two lines, for example, the initial 2 lines (journal version) in the main text - 4 pages; p. 37 (journal version) in the main text - 61-63 lines; 72 lines (journal version) in the main text - 120-121 lines; b) when adding new lines in the main text that are absent in the journal version: 5-12 lines, 25-28 lines, 69-72 lines, 82-85 lines, 148-153 lines.

2. In the consistent description of the steamboat, the stanzas increase significantly, which can be represented and explained as follows:

The introductory part in the journal version - 9 pages, in the main text - 13 pages. In addition to lines 5-6: Komyse baran // Konen keleeri specify the time of writing the second version of the author's poem, which is confirmed in the OT by the author: "1910, village Vitiim suola" ("1910 On the way to Vitim"), meaning on the way to the Bodaibo mines, see: K., volume I, Commentaries, p. 459.

The lines 10-19 (journal edition) describe the size of the steamboat, where in the main text lines 14-36 specify the capacity of the deck, the cabins and end with the loading area, mentioning a metaphorical comparison: "Badaga billibet // Baarsatyn ihiger, // Satala suokh ulakhan // Syargatyn ihiger" (pp. 25-28).

Pages 21-27 (journal edition) describe the anchor and its raising. This part is presented in the main text with lines 74-81, where the first eight lines are substantially revised. In the journal edition: Ystaal timir syabyn // Ytytnan kylygyratta // Borobuluokha timir munnun byatyn // Subunan suluguratta. In the main text: Uhun ylyger // Borobuluoka timir // Munnun byatyn // Subuyan suluguratta.

Lines 28-43 (journal edition): horn description – in the main text, the horn of the steamboat is described before "raising the anchor" – lines 38-68. Further in the main text there is an addition: lines 69-73, where the poet conveys his feeling from the power of the whistle of the steamboat: "Min barakhsan // Kuyakham kyyrde // Kulgaakhym chungkunaata // Kutum dolguyda", which emphasizes the excitement and admiration for the power of a hitherto unseen technique. The next addition: lines 82-85 Symala uotun // Syrganyyn kurduk // Sylas paarynan // Syrylatchy tyynna (describes the steam coming from the pipes).

Pages 45-69 (journal edition): describing the departure of the steamboat – in the main text: pp. 86-116. Here the initial two pages are absolutely identical: 45-46 and 86-87.

Pages 70-81 (journal edition) describe the beginning of the path – in the main text: pp. 117-131. Here, the initial two pages are identical, but in the main text these pages are rearranged,

which makes the logical sequence of the characteristics of the course in the "action of the steamboat" more precise, namely, in the poet's metaphorical representation, he (the steamboat) "rejoices" in his "victorious ride on the river": in the journal edition: Yören-kötön ylyhyien, // Kyaian-khoton digdahyian; in the main text: Kyaian-khoton digdahyian // Yören-kötön ylyhyien (in literal translation: the main text – wins the waves of the river, rejoices about this; in the journal edition – rejoices and wins).

The conclusion of the poem in the journal edition lines 82-94 begin with the address: "Oo, segerdeer!" (lit.: "Oh, dear [dear]") and ends with a description of the non-stop, headlong direction of the steamboat. In the main text, lines 132-153 begin with an epic interjection: "Er-djaaly er-tatai // Ini oḡoloor" and additional lines 148-153 are given, that briefly describe the course of the steamboat to the place of arrival.

Furthermore, we note, that the journal edition is linking words "Onton" (p. 20), "Ol kelin ötytten -" (28), "Onuokha buollagyna: -" (p. 36), "Onton baara: -" (p. 44). In the main text Bu baraary (p. 13), Ol kennitten (pp. 37 and 73). Points of reference: in the journal edition – lines 9, 82; in the main text – lines 22-23, 132-133.

Over all, the first publication of the poem "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho" in its esthetic completeness represents a version of the poem "Borokhuot aal", included in Kulakovsky's composed lifetime edition. Indisputable proof of this are the various names of poems based on the figurative representation of the image subject. The title of the journals edition, close to the popular saying, more clearly emphasizes the etymology and, in general, the peculiarities of folklore improvisation in the description of the steamboat. The wording of the main text title - neutral in expression and more figurative in definition – points out the literary character of the previously published text in the author's edition.

The books include four poems of A. E. Kulakovsky: "Ketchegei baay", "Bylyrgy algys", "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho", "Bayanay algyha".

The poem "Ketchegey baai" is printed from the book: "Yrya-khohoon" (Djokuuskai: "Syrdyk", 1923, pp. 5-9) based on the transcription of S. A. Novgorodov [13].

The book version (1923) differs significantly from the main text [5, pp. 149-153] by its rhythm and freer constellation of sentences. The verse layout of the work is "convenient" for oral performance. In this regard, we note long lines, where the first part of the verse is often represented as a shortened two-word basis and marks the intonation and syntactic pauses in its descriptive meaning, as well as free variations of stanzas, not always precisely defined by alliteration, confirm the unity of poetic lines by repetitions of the syntactic structures represented by consonant verses in form of horizontal alliteration. The beginning and ending in the figurative disclosure of the topic are comparable. Discrepancies are observed in variations of appeals, in the sequence of descriptions and in verse construction, where the main text represents the artistic processing of the material: literary systematization and rhythmic improvement. However, the book edition is peculiar precisely by the ethnic folklore form of content revelation, emphasized by the improvisational presentation of the text and the preservation of the pronunciation characteristics of the initial sounds as a replacement for [s] with [h]: sirei - hirei, symsaibyt - hymsaibyt.

The book version reveals mechanical errors, which were corrected during the preparation for the second volume of the complete collected works of A. E. Kulakovsky. For example: aryitalan - aryitalaan, chongoi - chongkhoi, nelie - nele, njaalbaanaakh - njalbaannaakh, alsammyty - aldyammyty, alaah - alaas, munnuk - munnun. The missing double vowels and consonants, as well as misprints - marked in the text body. It could be assumed, that there are variations of similar figurative definitions or dialect expressions.

Literal enhancement is especially clearly noticed in the coherent descriptions of the image, which can be represented in the table of the following observations. Also based on the comments of P. V. Maksimova [8, p. 340-341].

"Ketchegei baay", book version	"Ketchegei baay", main text
p.1-11 Introduction. Representation of the rich man by one semantic stanza	p. 1-15 Introduction. Representing the rich man with one semantic verse divided into five stanzas
p. 12-18 Addressing listeners with the word "dogottorbor" (friends)	p. 16-21 Addressing listeners in the form of indirect reference with the word "dietergit" (people of one home)
p. 19-34 Describing the ignorance, social isolation of the greedy rich man	p. 22-66 Listing of food using words: "Aan mangnay // Ahyn-yölyn // Akhtan ahardakhpyrna -", highlighted with a strophe
p. 35 About food (with one line)	
p. 36-39 Description of the outrageous poverty of the greedy rich man	p. 67-87 Description of clothes using the introduction: "Tangahyn-sabyn // Taaryia aginnakhpyrna"
p. 40-42 Description of the dwelling	p. 88-96 Description of the dwelling
p. 43-54 Describing the food	p. 97-99 Social insignificance as confirmation of ignorant habitation
	p. 100-121 Ignorance is described with the introduction: "Sigilitin sehergien // Suobagun uurbalaan // Maigytyrn badakhtaan // bardakhpyrna -"
p. 55-61 Description of cookware	p. 122-127 Description of cookware
p. 62-88 Describing spiritual poverty	p. 128-143 Immorality as a consequence of extreme greediness
p. 89-96 Describing the housing	
p. 97-108 Describing the clothes	
p. 109-133 Describing the food	
p. 134-138 Social loneliness	p. 144-150 Social loneliness
p. 139-152 Conclusion. Two lines that are absent in the OT: "ullung sirey // olorbuta yhy dogottoor" - are characteristic as a direct appeal to the listeners during performance	p. 150-159 Conclusion

In the main text one after another are presented food, clothing and housing - all this together implies ignorance. Further on the spiritual poverty is confirmed in the description of dishes, complete indifference to others: guests, close people, even to its own family. At first glance the content of the poem in the book version is not systematized, but overall, the introduction and ending are identical with the main text, letting the story come to a conclusion.

The poem "**Bylyrgy algys**" is the publication by S. A. Novgorodov. "Aagar kinige" ("Book for reading"). M., 1923.p. 56-57. This work was mistakenly put in the name of Dmitry Prokopyev, using the Novgorodov's transcription [9, p. 56-57].

The book version reveals certain mechanical errors, which during the preparation of the second volume of the complete collected works of A.E. Kulakovsky were corrected as follows: **östoryng** - östörȳn, **tien** - dien, **örȳyr** - ȳrgȳȳr, **ȳryd** - ȳryt, **ieyekhsid** - ieyekhsit, **aiyyhyd** - aiyyhyt, **alakhching** - alakhchyn, **aragah** - aragas, **ȳrgeng** - ȳrgen, **talaang** - talaan, **saar**

djakhtar saga, agih - agis, khangah - khangas, aattanaaryng - aattanaaryn, kyyh - kyys, tyynnaag - tyynnaakh.

Different readings of the main text titled "Bylyrgy algys" [5, p. 294–297) are noted as improvements (added lines, changes of certain words, in the final part a rearranging of lines and stanzas take place) of the form and an improvement in poetics. The volume of the book version, representing the text without punctuation marks and capital letters has 115 lines, in the main text - 128 lines. Additional lines, word substitutions and permutations introduced in the main text can be listed along the way of the text in the following form [8, p. 356-357]:

"Bylyrgy algys", book version	"Bylyrgy algys", main text
р.18-20 түскэ хүбэлибин // тухааннаах олоххутун // томторго соргулуубун	р.19-21 түскэ туойабын // Дьоллоох олоххутун // Томторго туойабын
р.35-37 стр.эдьэн ийэхсит эдьийгит // эбэрдэ хаанынан // эркиннии һырыттын	р.36-39 Эдьэн Ийэхсит эдьийгит // Эскэл тый саба // эбэрдэ хаанынан // эркиннии эрчийдин.
р. 52-54 хара тыа иччитэ // хара күөх кылааннаабынан // харайа һырыттын	р. 53-56 Бар хара тыа иччитэ // Баай Барылаах тойон // Бары буллуттан // Маанылыы сырыттын.
р. 58-63 стр. дала ураһа саба // тагнастан биэрбэт // талаан хаан дьайыннанын // төрөлөөх орус саба // түннэстэн биэрбэт // түүлээх лөкү маһан төлкөлөнүн	Page excluded
р. 67-70 стр. ураһа дьизэ орто туохун саба // умсан биэрбэт // уһун уйгу хаан олохтонун // алаһа дьизэни ахталытын	р. 63-67 Улаххан ураһа дьизэ // Орто туохун саба // умсан биэрбэт уһун // Уйгу быһан олохтонун // Алаһа дьизэни айгылатын.
р.76 стр. алгыстаах аар баҕабы анһынн	Page excluded
р. 102-115 The conclusion is presented in form of paired one-line expressions of the algis (good wishes/blessings)	р. 114-128 The conclusion is presented in form of two following each other formulas of algis (good wishes/blessings), protecting from evil – prophesying the good

In the whole book version of the poem the “orality” of algis (blessing) ritual performance is confirmed, which to a certain extent is an establishment, but takes a performative route by the type of used text, sounding like a poetic appeal to a young couple during the marriage ceremony. The content of the poem as a whole is similar to the main text in the sense that, while more specifically preserving ritual poetics, it can be perceived as a work of "non-historical" in essence, carrying the idea of good and happiness and destiny of a person, regardless of the time it has been created. In this regard, the author's editing the name of his work is characteristic. The first variation labeled: "Bylyrgy algys" - "Ancient blessing", main text named: "Bylyrgylyy algys" - "Blessing in the old way".

The poem "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho" is printed and published in S.A. Novgorodov's "Aagar kinige" ("Book for reading"). M., 1923.p. 13-15. Signed: "Өлөксөй Kholokuoskai", using A.S. Novgorodov's transcription [9, p. 13-15].

In the book version, typing errors were found, which have been corrected during the preparation of the second volume of the complete collected works of A.E. Kulakovsky: borukuod - borukuot, oduulaang - oduulaan, kyysteeg - kyysteekh, yytynang - yytynan, chaakyr - djaakyr, khahytaang - khahyytaan, uhutaang - uhuutaan, orulaabytyng - orulaabytyn, ingseleekhtig - ingseleekhtik, ynyryktyg - ynyryktyk, tahaatyng - tahaatyn, dokhsunnug - dokhsunnuk, ubagah - ubagas, yrdeeng - yrdeen, yoreng - yoren, kyayang - kyayan, ɵryskenneeg - ɵryskenneekh, oonjoong - oonjooon, yaryrgappad - yaryrgappat, elbeg - elbekh, ereydemmed - ereydemmet, sytaabad - sataabat.

The text of this publication as a whole corresponds to the journal version of 1913, with the exception of individual permutations of some lines, the discrepancy between the differently

divided verses here with the author's line breakdown in the journal version is due to the absence of punctuation marks.

The 1913 edition is 90 lines, the book edition 87 lines long. Changes: lines 16-17 in the journal version represent 16-19 lines by dividing each into two verses, which is justified by paired vertical alliteration. In the book edition, line 41 “*Khallaannyyn khabyrytynna*” is missing.

Changes in the spelling of words are as follows [7, p. 360]:

“UoTUO”, book version	“UoTUO”, journal version
р. 22 сулугураата	р. 24 сулугуратта
р. 30 хаһытаан	р. 32 хаһытаан
р. 31 турбатын	р. 33 труубатын
р. 33 кункунаата	р. 35 кункунатта
р. 36, 44, 67, 68, 73, correspondingly: ол бу, сундулу тумсун, үөрэн көтөн, кыайан хотон, ньургун дохсун	р. 35, 47, 70, 71, 76 correspondingly: ол-бу, сундулу-тумсун, үөрэн-көтөн, кыайан-хотон, ньургундохсун

In the book version the absence of a punctuation mark excludes the author's clarifications of the stanzas, marked with a punctuation mark [;]; listings in the description, marked with a punctuation mark [,] throughout the text of the poem; contrasts and unexpected transitions in descriptions, marked with a punctuation mark [-] in lines 3, 9, 26, 29, 34, 41, 66, 76, 84; exclamations [!] in lines 7, 13, 79; determination of the unfinished action [...] at the end of the poem.

The poem “**Bayanay algyha**” was printed according to the publication: A. E. Kulakovsky. Materials for studying the beliefs of the Yakut people. - Yakutsk: Type. NKP, 1923.- p.34-41.- (Western Yakut. Regional Geogr. Org. Book 1), using the S.A. Novgorodov transcription [4, p. 34-41].

As the works of Kulakovsky were being prepared for publication, the spell of Bayanay, included in the scientific work, was translated from Yakut into Russian. This translation was included in the given composition of the poet's writing for the first time.

In the book version, typing errors were found, which during the preparation of the second volume of the complete collection of A. E. Kulakovskys works have been corrected: *elege* - *eliege*, *chinchileng* - *chinchilen*, *erginne* - *ergine*, *dietekhpinye* - *dietekhpine*, *diir* - *diir*, *aralidytya* - *araldytyma*, *Yryekh yryekkhitten yyrien* - *yrekx yrekkhitten yyren*, *eliebyer* - *elieber*, *sieksyeni* - *sekseni*, *syhyokhtyeekhkittien* - *syhyohteeekhkitten*, *ardyga* - *adyrga*, *erden* - *kerden*, *al* - *aal*, *kien* - *kieng*, *byry-byttyn* - *byry byttyyyn*, *bary batchin* - *bary batchyyyn*, *Ahaang-syrgaang* - *ahaan-syrgaan*, *ykryyyr* - *ykkryyyr*, *siskei* - *siskel*, *dyyhnyne-dyyhne*, *bystaryttan* - *bastaryttan*, *buomchalyr* - *buomchalyyr*, *buolayagytyi* - *buolaayagytyi*, *Al* - *aal*, *syrdang* - *syrgaang*.

The text of the poem “Materials for the Study of Yakut Beliefs” is accompanied by a preface of the author about Bayanay, the unified name of the hunters nine guardian spirits. Separately mentioned is Baryylaakh, the main master-spirit of the forest. Capital letters at the beginning of lines and in names correspond to the main text and the omissions of punctuation marks is noted. All two-part names as well as the names of guardian spirits contain hyphens, which does not correspond with the main text. Variations in the spelling of double vowels and consonants are connected to dialectal forms or mechanical errors of publishers, although to a significant extent these variety and free variations generally confirm the peculiarity of this publication, namely, “Materials for the study of Yakut beliefs”.

Conclusion

In a comparative analysis of the early works of A. E. Kulakovsky we find mechanical mistakes, which in the preparation of the second volume of the complete works of

A. E. Kulakovsky were corrected. Differences in the texts of early works with the main text are noted as revisions: adding lines, changing individual words, rearranging lines and stanzas. Significant differences in the images and structures of the works bring out the significant revision by the author during the preparation for the edition of his lifetime work, which refers primarily to the journal publications of the poems "Toryy iligitten kyranyylaakh" (1908) and "Uot tyynnaakh ulakhan ongocho" (1908). In the book editions throughout all texts of A. E. Kulakovsky, word additions and line permutations are also observed.

In this way a comprehensive study of the early publications of A. E. Kulakovsky in the contexts of issues of textual criticism is closely related to the study of the entire writings of the classic author.

References

1. Newspaper "Kyym" ("Iskra"). 1925. No. 28 (June 3.)
2. Newspaper "Yakutskaya zhizn" ("Sakha ologo"). 1908. No. 19 (April 24), No. 21 (May 1.).
3. Magazine "Sakha sagata" ("Yakutskiy golos"), 1913, No. 1.
4. Kulakovsky A. E. Materials for studying the beliefs of the Yakut. – Yakutsk: Type. NKP, 1923. – p. 108
5. Kulakovsky A.E. Full composed collection.: In 9 volumes. Vol. 1: Poetic works / Comp. Texts L. R. Kulakovskaya; Resp. ed. P. V. Maximova. Novosibirsk, 2009. – p. 631
6. Kulakovsky A. E. Handwritten versions of main texts, lists, unpublished works and dubia. Complete works: in 9 vols. Vol. 2. Comp. L. R. Kulakovskaya; scientific ed. P. V. Maksimova – Novosibirsk: Nauka, 2018. – p. 760
7. Likhachev D. S. Textology. Brief insides. – M.; L.: Nauka, 1964. P. 102
8. Maksimova P. V. Comments // Kulakovsky A. E. Handwritten versions of main texts, lists, unpublished works and dubia. Complete works: in 9 vols. Vol. 2. – p. 267-377.
9. Novgorodov S. A. Agar kinige (Book for reading). – M. 1923. – p. 168
10. Pokatilova N. V. From oral to written tradition in early literature. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – p. 258
11. Sivtseva-Maksimova P. V. Academic edition of A.E. Kulakovsky: problematics, structure // National literatures at the present stage: scientific concepts and hypotheses. Open discussion dedicated to the 80th anniversary of the establishment of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Kazan, 2019. p. 194-205. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41304369_65981881.pdf
12. Sivtseva-Maksimova P. V. The experience of comparative analysis of the works of Vuka Karadzic and Alexei Kulakovsky: questions on language and folklore // Bulletin of the North-Eastern Federal University. 2019, No. 5. (73) - p. 109-123. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41305147_12008798.pdf
13. Yrya-khohoon (Poems and songs). Yakutsk: "Syrdyk", 1923. p. 106.



– РЕЦЕНЗИЯ –

Ю. Г. Хазанкович

**Мифопоэтика ненецкой литературы. Рецензия на
монографию: Жулева А. С. Мифопоэтическая модель
мира в ненецкой литературе. Москва: ИМЛИ РАН, 2019**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Монография А. С. Жулевой о ненецкой литературе – труд капитальный и оригинальный. Об этом свидетельствует как тема, так и предмет исследования. Работа увидела свет в 2019 году, но нам необходимо было время для осмысления и понимания аксио-феноменологического подхода А. С. Жулевой к объекту, изученному крайне слабо в избранном ракурсе – ненецкой прозе и поэзии от зарождения до дня сегодняшнего. Появление такой работы – однозначно событие в североведении. Заметим, интереснейшие исследования, посвященные национальной прозе, выходили в конце 1990-х нач. 2000-х гг. на Урале, поэзию исследовал профессор МГУ А. В. Ващенко. Ставит задачу А. С. Жулева непростую – «раскрыть смысловую глубину связи трансцендентного с жизненным миром» в произведениях ненецких прозаиков и поэтов. Избранная исследовательская стратегия – обращение к накопленным историческим, фольклористическим и этнологическим знаниям о традиционной культуре ненцев и их актуализация, позволила Жулевой А. С. выявить «концепты», которые являются ядерными в ненецкой модели мира. С помощью мифопоэтического ключа ей удалось на литературном материале раскрыть пространственно-временные представления и культурные первообразы, Логос и Число, традиционные верования ненцев (с. 5).

Глубина и концептуальность подхода А. С. Жулевой очевидна во Введении: заявляя о «комплексном подходе», автор подчеркивает, что тема не должна изучаться через навязывание какой-то логической схемы. Поставив цель восстановить мифопоэтическую модель мира, А. С. Жулева заручается идеей Н. Фрая об изначальной связи «поэтических ритмов с природным циклом через синхронизацию организма с природными ритмами» (с. 5-6). В первой главе исследователь представляет философско-культурологическую рефлексию времени, пространства и хронотопа с опорой на труды А. Ухтомского,

ХАЗАНКОВИЧ Юлия Геннадьевна – д. филол. н., профессор кафедры русской литературы XX века и теории литературы, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: lula1974@mail.ru

KHAZANKOVICH Yulia Gennadyevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX century and the Theory of Literature, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University..

О. Шпенглера М. Бахтина, Ю. Лотмана. Эти работы базисные для реализации исследовательской концепции А. С. Жулевой: «пространство важно для индивидуального восприятия и для культуры в целом» (с. 19). Особое внимание исследователя привлекает пространство метафизическое, которое, по ее мнению, наиболее значимо в художественных текстах, потому как вопрос «как место развития тундра и тайга отразились на ментальности ненцев, их мироощущении, о чем можно судить, по архетипам и их трансформации в фольклоре, так и в литературе» (с. 23).

Обращение к исследованиям этнологов (Л. В. Хомич) и фольклористов (Е. Т. Пушкарева) о горизонтальном и вертикальном делении пространства у ненцев позволило Жулевой А. С. сделать наблюдения о «законе сопричастности» у ненцев в восприятии окружающего мира (Леви-Брюль), их восприятия пространства как одушевленной сущности (с. 25). Последнее проявляется в повседневных и сакральных практиках и находит художественную рефлексию в произведениях Л. Лапцужа, П. Явтысыя, А. Пичкова, А. Неркаги, Л. Ненянг.

В последующих главах на текстуальном материале автор проводит этносемиотическое исследование числового кода и шаманского камлания, культа Слова и культа духа в традиционных практиках ненцев. Монография Жулевой А. С. оставляет особое эмоционально-эстетическое впечатление и имеет научную значимость: автору успешно удалось через обращение к литературному и этнологическому материалу исследовать и привнести новые смысловые грани в описание трансцендентного мира ненцев. Это позволило значительно расширить границы имеющихся представлений о литературе ненцев и разрушить клишированное восприятие литератур малочисленных народов Севера как вторичных художественных явлений по отношению к «большим» литературам.



– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –*С. Д. Дарбасова***Открытая лекция «А. Е. Кулаковский и наука в Якутии»**

04 февраля 2021 г. в рамках Декады науки в СВФУ, посвященной Дню российской науки, Институт А.Е. Кулаковского провел открытую лекцию на тему «А. Е. Кулаковский и наука в Якутии». Алексей Елисеевич стал первым исследователем истории и культуры Якутии по фундаментальным научным направлениям как экономика и социология, естествознание и этнография, этнопсихология и мифология, сделал концептуальные открытия в области языкознания, литературоведения и фольклористики.

В этом году университетом были предоставлены технические возможности всем, кто желает принять участие в Декаде, использовался особый режим – интерактивная форма регистрации мероприятий на сайте университета. В онлайн-площадке Институт Кулаковского собрал кроме студентов более 80 слушателей в течение двух часов.

Лекцию открыла Дарбасова С. Д., старший научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского, с информацией о роли основоположника якутской литературы в развитии науки в Якутии и направлениях изучения наследия классика. Была продемонстрирована презентация о жизни и деятельности А. Е. Кулаковского. Большой интерес вызвало выступление Ноговицына А. П., магистра филологии, заведующего музеем истории г. Якутска, МБУ «Агентство культуры и художественного образования» ГО «г. Якутск» на тему «Текстологический анализ вариантов основных текстов А. Е. Кулаковского» по поэме «Сон шамана». Старший научный сотрудник, к. ф. н. Сивцева Н. А. выступила с лекцией по работе Кулаковского «Методические указания для приступающих к обучению якутской грамоте» (1925), освещающей настороженное отношение классика к политике якутизации учреждений и государственного аппарата в ЯАССР с точки зрения развития якутского языка и вопроса русскоязычных кадров молодой республики. Она отметила также направления исследования трудов Кулаковского по якутскому языку. Лекцию завершил доклад Дарбасовой С. Д. «Творчество А. Е. Кулаковского в оценке литературной критики 1920-30-х годов XX века».

В завершение мероприятия была проведена викторина, победителем которой вышла Ансема Осипова, магистрант ИЯКН СВ РФ. Она награждена 2 томом полного собрания сочинений А. Е. Кулаковского.

Лекция, несомненно, вызвала интерес участников к изучению художественного и научного наследия А. Е. Кулаковского. Полная версия лекции размещена в канале Youtube: <https://youtu.be/Fn6KZswQZRw>

ДАРБАСОВА Светлана Дмитриевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института А.Е. Кулаковского СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: dars07@mail.ru

DARBASOVA Svetlana Dmitrievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior researcher at the Kulakovsky Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University..

Круглый стол «А. Е. Кулаковский – наш современник»

Проведение Республиканского круглого стола «А. Е. Кулаковский – наш современник» 04 марта в день рождения духовного лидера народа саха (по старому стилю), стало уже доброй традицией. Целью данного мероприятия является увековечение памяти основоположника якутской литературы и популяризация его творческого наследия. С основными докладами выступили В. Б. Окорокова, д.филол.н., профессор кафедры якутской литературы ИЯКН СВ РФ, СВФУ на тему «А. Е. Кулаковскай-Өксөкүлээх Өлөксөй – бөлүһүөк суруйааччы» (А. Е. Кулаковский-Ексекулях Алексей – писатель-философ); Н. А. Сивцева, к.филол.н., с. н. с. Института А. Е. Кулаковского на тему «А. Е. Кулаковскай-Өксөкүлээх Өлөксөй сахатыты туһунан санаата» (Вопросы якутизации в трудах А. Е. Кулаковского по родному языку); Раиса Реасовна Кулаковская, заслуженный деятель культуры РФ на тему «Эһэм туһунан иһирэх тыл» (Слово о моем деде); В. Н. Луковцев, заместитель директора Национальной Издательской компании «Айар» им. С. А. Новгородова на тему «Саха интеллигенциятыгар» сурук уонна «Ойуун түүлэ» поэма билинни кэмнэ тобоостообу» (Актуальные аспекты сопоставления «Якутской интеллигенции» и «Сон шамана»). В работе Круглого стола из Сербской республики принимала участие Лариса Реасовна Кулаковская, внучка классика, отличник общего образования РФ, лауреат премии «Гордость Якутии». Она выступила на тему «А. Е. Кулаковскай аан дойду таһымыгар: «Едины в помыслах» литературной-научной проект» (Изучение жизни и творчества А. Е. Кулаковского в рамках международного литературного проекта «Едины в помыслах»). Также были прослушаны доклады молодых исследователей: Н. Н. Жерготова, учитель истории Болтогинской СОШ Чурапчинского улуса, Нь. И. Ильиной, м. н. с. Института А. Е. Кулаковского, Л. П. Уаровой, магистра филологии, учителя якутского языка и литературы из Сунтарского улуса, Г. Старостина, студента 3 курса ИЯКН СВ РФ, СВФУ. В работе Круглого стола приняли участие около 70-ти слушателей Республики Саха (Якутия) и с других регионов России.

Участники встречи отметили, что уникальное художественное наследие Кулаковского открывается для каждого поколения по-новому и интерпретируется им по-своему с позиций идеалов своего времени, но вневременная эстетическая ценность произведений классика перешагивает века, а стремление познать, исследовать наследие Кулаковского с каждым годом возрастает.



**СЕРИЯ «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР»
ВЕСТНИКА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сетевое издание

1 (01) 2021

Технический редактор *Н. Ю. Печетова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.04.2021
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 30.04.2021